

М. А. ЗАБОРОВ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

Изучению крестовых походов русскими учеными в последней трети XIX в. значительно способствовало оживление византиноведческих занятий. В основе активизации византиноведения в 70-х — 90-х годах лежали причины политического порядка. С одной стороны, в это время резко усилилось внедрение идей монархизма и православия в школьном и университетском преподавании, в печати и т. д., что, по замыслам верхов, должно было служить противовесом укреплявшимся среди молодежи революционным настроениям. В эпоху реакции 80-х годов эта политика получила и благовидный внешний предлог: в 1888 г. исполнилось 900-летие принятия христианства из Византии. Это обстоятельство самым непосредственным образом сказалось в повышении интереса к истории последней, интереса, продиктованного в конечном счете несомненными «благонамеренными» побуждениями консервативно настроенных ученых. С другой стороны, в рассматриваемую эпоху продолжалась экспансия царизма на Балканах и Ближнем Востоке. Она по-прежнему нуждалась в историческом обосновании и оправдании. Российские самодержцы и стоявшие за ними помещичье-буржуазные круги, как и раньше, стремились к разделу Турции: они мечтали о завоевании проливов из Черного моря в Средиземное, о захвате Константинополя. В 70-х годах разразился новый восточный кризис. Антитурецкие восстания в Боснии и Герцеговине в 1875 г., в Болгарии — в 1876 г., серботурецкая война 1876 г. — все это вновь резко обострило отношения держав на Ближнем Востоке. В 1877 г. вспыхнула русско-турецкая война.

В 90-х годах колониальная политика России начала проводиться с особой активностью. В ответ на посылку Англией военной эскадры в Дарданеллы в 1896 г. последовала русская угроза занять Босфор. В 1897 г. было заключено соглашение с Австро-Венгрией о поддержании status quo на Балканах. В конце 90-х годов царская дипломатия, противодействуя германской экспансии в Передней Азии, пыталась обеспечить свои экономические, политические и стратегические интересы путем заключения договора с султанской Турцией о предоставлении России преимущественного права на получение железнодорожных концессий в районе черноморского побережья Турции и русско-турецкой границы, о чем в начале 1900 г. было подписано соответствующее соглашение.

Одновременно царизм переходил к активной внешней политике и на Дальнем Востоке (заявление Порт-Артура в конце 1897 г., захват Ляодунского полуострова в 1898 г. и др.)¹.

¹ См. подробнее В. И. Б о в ы к и н. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века — 1917 год. М., 1960, стр. 18—20, 25—26 сл., 33 сл.

Все эти и другие события, характеризовавшие нарастание колоннальной экспансии российского военно-феодалного империализма в Передней Азии и на Дальнем Востоке, в особенности усиление захватнических стремлений по отношению к Турции, также стимулировали развитие интереса к византийской старине: ее изучение, по мысли правящих кругов, призвано было играть служебную роль и в осуществлении внешнеполитической программы царизма, претендовавшего на бывшие византийские территории.

В значительной мере именно в связи с оживлением византиноведения в последней трети XIX в. делает успехи и разработка истории крестовых походов. Весьма показательны, что многие работы по крестовым походам принадлежали перу русских византистов. Естественно, что эти работы как по своему содержанию и характеру, так и по идейной направленности несли на себе яркий отпечаток «византиноведческого происхождения». В них ярко проявились общеметодологические идеалистические и, в большей или меньшей степени, реакционные политические установки русского дворянско-буржуазного византиноведения. Вместе с тем, однако, то обстоятельство, что проблемы истории крестовых походов у нас разрабатывались главным образом византологами, в то время как на Западе эти проблемы составляли монополию преимущественно исследователей западноевропейского средневековья (в гораздо меньшей степени они изучались византинистами и отчасти ориенталистами), имело и некоторое положительное значение. Оно позволило русским историкам по-новому осветить и разрешить ряд вопросов истории крестового движения, внести в оборот мало или совсем не использовавшиеся ранее источники, углубить и обновить интерпретацию ранее известных памятников. Русские ученые выдвинули и разработали оригинальные воззрения на крестовые походы значительно расширявшие историческую перспективу в понимании крестовых походов, воззрения, теснее ставившие крестовые походы в связь с многообразными сторонами жизни средневекового общества, нежели это имело место в работах зарубежных исследователей.

Все эти особенности нашли достаточно яркое отражение уже в работах выдающегося русского византиста В. Г. Васильевского — «Византия и печенеги» (1872) и «Союз двух империй» (1877)².

В последней из них, в частности, В. Г. Васильевский разработал обширный круг конкретно-исторических вопросов международных отношений середины XII в. и тем самым поставил проблему Второго крестового похода на более широкую, чем раньше, историческую основу. Можно согласиться с оценкой этой работы Ф. И. Успенским, писавшим позднее, что «автор успел внести совершенно новые данные в изложение событий II крестового похода»³. Это относится также к комментарию Васильевского к неизданному надгробному слову Василия Охридского на смерть Ирины, жены Мануила Комнина⁴.

Большое значение имело исследование Васильевским и некоторых конкретных проблем истории Четвертого крестового похода 1202—1204 гг. Этот крестовый поход, как известно, закончился падением Византийской империи, поэтому его история представляла первостепенный интерес для византиноведения. Васильевский был первым из тех русских исследовате-

² См. разбор произведений В. Г. Васильевского в нашей статье (ВВ, IV, 1951, стр. 174—176).

³ Ф. И. Успенский. Академик Василий Григорьевич Васильевский. ЖМНП, 1889, октябрь, стр. 299.

⁴ См. ВВ, I, 1894, стр. 55—132; ср. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 521.

лей конца XIX — начала XX в., которые сказали свое слово в изучении одной из самых значительных крестоносных экспедиций.

Едва ли не наиболее важной и весьма запутанной проблемой в истории Четвертого крестового похода являются причины изменения направления этого похода от первоначально намечавшейся цели — Египта — на Константинополь. В удовлетворительном решении этой проблемы серьезная роль принадлежит, на первый взгляд, частному, но в действительности довольно существенному вопросу — о времени бегства из Византии и появления в Европе царевича Алексея, сына свергнутого в Византии в 1195 г. императора Исаака II Ангела. До конца 70-х годов в западноевропейской историографии считалось общепризнанным, что царевич Алексей бежал из Византии летом 1201 г.: эту дату принимали все без исключения ученые, занимавшиеся историей IV крестового похода. На совпадении этой даты с рядом других фактов была построена пресловутая «теория германской интриги», получившая распространение в зарубежной литературе о IV крестовом походе⁵.

Васильевский внес серьезные уточнения в представления историков относительно перемены направления IV крестового похода в своей рецензии на книгу Ф. И. Успенского «Образование II Болгарского царства»⁶. Пересматривая проблему, Васильевский предложил оригинальное решение вопроса о времени бегства из Византии царевича Алексея. Историк подверг сомнению правильность традиционной даты этого события. Он установил, что царевич Алексей бежал в Европу не в 1201 г., а в 1202 г. Свою датировку Васильевский вывел путем мастерского анализа большой группы источников: показаний византийского историка Никиты Хониата, Новгородской летописи, письма папы Иннокентия III к императору Алексею III от 16 ноября 1202 г., данных мемуаров Жоффруа Виллардуэна, Большой Кельнской хроники, анонимного сочинения папского биографа «Деяния Иннокентия III» и записок Робера де Клари.

В плане статьи Васильевского дата бегства царевича Алексея в Европу имела значение одного из опорных пунктов для установления хронологии событий, связанных с историей византийско-болгарских отношений в начале XIII в. Сама по себе история IV крестового похода Васильевского в данном случае не занимала. Он сделал по этому поводу лишь несколько попутных замечаний, которые, однако, подрывали в основе, если не разрушали, здание, возведенное с таким искусством и трудом создателем «теории германской интриги» французским ученым П. Рианом. Установив, что датой бегства Алексея из Византии следует считать не 1201, а 1202 г.⁷,

⁵ См. ее анализ и оценку в кн.: М. А. Заборов. Папство и крестовые походы. М., 1960, стр. 130 сл.

⁶ В. Г. Васильевский. Критические и библиографические заметки (по поводу книги Успенского). ЖМНП, ч. 204, 1879, стр. 337—348.

⁷ К аналогичному выводу независимо от Васильевского пришел спустя пять лет французский историк Ж. Тессье в своей «Истории Четвертого крестового похода» (J. Tessier. Quatrième croisade. La diversion sur Zara et Constantinople. Paris, 1884). В дальнейшем во мнениях исследователей по вопросу о времени бегства царевича Алексея из Константинополя и его прибытия в Европу определились решительные расхождения, которые сохраняются и поныне. Точка зрения Васильевского получила признание в работе П. Митрофанова, а позднее, в 1936 г., аналогичный взгляд отстаивал видный французский историк Четвертого крестового похода Э. Фараль в своей статье о записках Виллардуэна (E. Faral. Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité. «Revue des questions historiques», t. CLXXVII, № 3, mai — juin 1936). Как справедливо отметил Б. Примов, Фараль не знал работ ни Васильевского, ни Митрофанова (см. Б. Примов. Жоффруа дьо Виллардуэн, четвертый крестоносен поход и България. «Годишник на Софийския университет», ист.-фил. фак-т, т. XIV, кн. 2, отд. отпеч. София, 1949, стр. 40, прим. 3). Однако и старый взгляд, выдвинутый Рианом, тоже продолжал находить своих приверженцев (см. J. Tessier. Op. cit., p. 135—154). Особенно упорно отстаивал и отстаивает его бельгийский византист А. Грегу-

Васильевский вывел из этого далеко идущие заключения относительно всей проблемы изменения направления IV крестового похода. Своим, казалось бы, чисто хронологическим открытием, или даже хронологической поправкой, он доказал в сущности фактическую несостоятельность «теории германской интриги».

Эта «теория», во всяком случае в том виде, который придал ей Риан, в результате исследования Васильевского была в значительной степени дискредитирована. Подрыв риановских воззрений на причины изменения направления крестоносного предприятия 1202—1204 г. расчищал дорогу для дальнейших, более углубленных исследований этой проблемы.

Выводы Васильевского, в значительной мере уточнявшие представления о некоторых событиях Четвертого крестового похода, были, как видно из сказанного, плодом самостоятельного изучения и сопоставления источников. Интерес к источникам, стремление исходить в суждениях о тех или иных фактах истории крестоносного движения из свидетельств памятников эпохи — эта линия укреплялась в русской историографии крестовых походов и в последующие десятилетия. Ее развивали не только византилисты, но и ученые, работавшие в области истории западного средневековья.

В конце 70-х — начале 80-х годов проблемами истории крестовых походов вплотную занялся историк, известный в основном в качестве исследователя славяно-германской тематики, — профессор Киевского университета Ф. Я. Фортинский (1846—1902). Его внимание почти целиком было обращено на источниковедческие, а также историографические вопросы, однако он не обошел стороной и истории крестовых походов как таковой. Первой работой Фортинского по интересующему нас кругу проблем явилось исследование «Новые открытия в области истории ордена Темплиеров», напечатанное в 1878 г.⁸ В этой статье автор разбирал ранее неизвестные документы — так называемые тайные статуты ордена тамплиеров: они были изданы в Галле за год до появления работы Фортинского — в 1877 г., и самое исследование киевского ученого явилось в сущности первым в европейской историографии, посвященным изучению этих материалов. Непоп-

ар, посвятивший хронологию Четвертого крестового похода специальное исследование (H. G r é g o i r e. The question of the fourth crusade. Byz., vol. XV, 1940—1941). В этой работе историк доказывает, что царевич бежал из константинопольской темницы в 1201 г., с помощью весьма оригинальной, но неубедительной аргументации, опираясь исключительно на филологические наблюдения над текстом послания Иннокентия III к императору Алексею III от 1202 г. Грегуар ссылается на то, что, упоминая о побеге царевича, папа употребляет для обозначения времени его появления в Риме наречие *olim*, а не *purer*, которое бы он непременно употребил, если бы Алексей покинул свое отечество в 1202 г. Прибегая к подобной аргументации, Грегуар исходил только из соображения, что Иннокентий III, мол, хорошо знал латынь и не мог спутать двух слов — *olim* и *purer*. Шаткость этого филологического доказательства станет особенно очевидна, если учесть, что бельгийский историк совсем не берет в расчет общего весьма дипломатического, чтобы не сказать сильнее, характера послания папы в Константинополь. Стоит отметить также, что Грегуару не была известна разобранная выше работа Васильевского, в чем он сам откровенно признавался десять лет спустя. В своем обзоре IV тома советского «Византийского временника» (см. Byz., vol. XXI, fasc. 2, 1951) Грегуар отметил, что о существовании статьи Васильевского он ничего не знал, пока не встретил упоминания о ней «в хронике мосье Заборова», и только теперь, «grâce à M. Zaboro», он прочитал работу Васильевского (ibid., p. 503). Неосновательно упрекнув Заборова в незнании им якобы трудов Фараля и Грегуара, бельгийский византист вновь повторил здесь свою старую аргументацию (ibid., p. 504). К слову сказать, уже в сравнительно недавнее время аргументация Васильевского и его последователей была убедительно подкреплена болгарским исследователем Б. Примовым в его цитированной выше работе о Виллардуэне (указ. соч., стр. 39—43), а также в статье «Върху някой въпроси от общата и българска средновековна история във връзка с четвъртия кръстоносен поход» (ИИБИ, 2, 1951, стр. 431).

⁸ Ф. Ф о р т и н с к и й. Новые открытия в области истории ордена Темплиеров. Оттиск из «Университетских известий» (Киев, 1878).

средственно к истории крестовых походов работа Фортинского имела лишь косвенное отношение. Исследователя занимали главным образом вопросы, относящиеся отчасти к истории тамплиеров, точнее, к их учению и организации, примерно с половины XIII в., и особенно — к судьбам братства накануне процесса и осуждения его Филиппом IV Красивым в начале XIV в. Основным вопросом, стоявшим перед историком, был вопрос о степени достоверности обвинений в ереси и прочих, предъявленных тамплиерам в 1307 г. королевскими судьями. Исследовав подробно содержание статута в духе юридической школы, к которой, как известно, он принадлежал по своим методологическим позициям, Фортинский пришел к выводу, что эти документы, скорее всего, являются достоверными историческими памятниками и в качестве таковых подтверждают многие пункты обвинительных актов, составленных инквизиторами Филиппа IV⁹.

Будучи работой историко-ведческого характера (в значительной своей части она содержит перевод или пересказ статей опубликованных в 1877 г. уставов братства)¹⁰, исследование Фортинского имело довольно ограниченное значение в плане разработки чисто крестоносной тематики. Однако историк предпослал анализу статута тамплиеров небольшой вводный очерк, в котором обрисовал историю ордена с момента его образования до процесса 1307 г.¹¹ Очерк этот обнаруживает хорошую осведомленность автора в современной ему европейской литературе о храмовниках, а также основательное знакомство с источниками, прежде всего с актами парижского процесса¹². Исследование Фортинского было интересно как содержащимся в нем свежим материалом, извлеченным прямо из первоисточников, так и некоторыми рассуждениями самого автора о различных сторонах внутренней истории братства храмовников. Правда, в общем подходе Фортинского к судьбам ордена был налицо значительный элемент субъективизма. Так, историк связывал коренные перемены в организации, жизни и характере деятельности храмовников, будто бы наступившие со второй половины 50-х годов XII вв., исключительно со смертью в 1153 г. Бернара Клервосского, сыгравшего большую роль в основании ордена¹³. Только кончина этого покровителя ордена якобы привела к тому, что «монашеское направление тамплиеров начало быстро заменяться чисто светским»¹⁴. Конечно, такое субъективистское истолкование причин внутренней эволюции братства тамплиеров, насколько вообще историк вправе о ней говорить, не может быть признано сколько-нибудь удовлетворительным. К тому же в документах отсутствуют данные, которые бы подтверждали представление о чрезмерной преданности первых тамплиеров монашеским идеалам: с самого начала это была все же военная монашеская организация.

Тем не менее Фортинский высказал в своей статье реалистическое понимание ряда вопросов, характеризующих деятельность и устройство ордена. Он правильно отметил, в частности, большое значение папских привилегий ордену: их пожалование было начато Александром III в 1163 г. буллой *Omne datum*, ставившей храмовников под прямую защиту

⁹ Там же, стр. 25.

¹⁰ Там же, стр. 10—20.

¹¹ Там же, стр. 3—10.

¹² Фортинский пользовался книгой: P. Dupuy. *Traité concernant l'histoire de France de la condamnation des Templiers*. Paris, 1654, имевшейся в библиотеке Киевского университета, в ее более позднем, брюссельском издании 1713 г. См. Фортинский. Указ. соч., стр. 8, прим. 1.

¹³ Там же, стр. 3. «Пока жив был Бернар, тамплиеры оставались верны своему уставу и мало чем отличались от цистерцианцев или каноников..., до самой смерти Бернара [они] не имели никаких особых привилегий; их покровитель (т. е. Бернар.— М. З.) был суровым противником всяких exemptions и не позволял тамплиерам приобретать вольностей от пап, императоров или королей».

¹⁴ Там же, стр. 3.

апостольского престола, разрешавшей ордену иметь собственных священников, изменять и дополнять свой первоначальный устав¹⁵. Автор, впрочем, не выяснял политической подоплеку папской политики покровительства ордену и даже не пытался установить цели, с которыми Александр III и его преемники то освобождали храмовников от уплаты десятины, то предоставляли «клирикам ордена право отправлять богослужение в таких местах, на которые наложен интердикт», то снимали «с вступающих в орден часть наложенных на них церковных наказаний»¹⁶ и т. п. Но, несомненно, является оправданным наблюдение Фортинского, что папские привилегии способствовали вступлению в число тамплиеров лиц, которые стремились лишь удовлетворить свои мирские потребности, не имевшие ничего общего с «идеальными» задачами ордена: одни шли к храмовникам, чтобы «примириться с папой», другие — чтобы «освободить свои земли от лишних поборов», третьи — «обеспечить своих подданных от интердикта»¹⁷. Здесь, может быть, недостаточно четко, все же сформулирован по существу верный тезис: действительно, основное направление и характер деятельности ордена определялись, говоря современным языком, изменениями в социальном составе братьев-рыцарей. Фортинский, несколько преувеличивавший силу первоначального монашеского элемента в ордене тамплиеров, писал: «Параллельно... с изменениями монахов в рыцарей и самые цели ордена стали другие. Прежде храмовники употребляли все свои средства на пособие пилигримам и на борьбу с неверными, теперь же у них на первом плане — упрочение самостоятельности и могущества своего ордена, и для достижения этой цели они не брезгают никакими интригами при римском и иерусалимском дворе и даже вступают в соглашение с неверными к явному вреду для христиан; прежде все вступавшие в орден спешили в Палестину на борьбу с сарацинами, теперь же большинство рыцарей предпочитает жить на Западе и не только не содействует возбуждению новых крестовых походов, напротив, всячески старается отклонить папу, королей и князей от подобных предприятий»¹⁸. В этих словах историка выражены наблюдения, важные, между прочим, для правильного понимания некоторых причин упадка крестового движения в XIII столетии.

С этим связано и другое, на наш взгляд, в целом тоже более или менее оправданное суждение Фортинского — относительно действительных целей, все более выдвигавшихся на первое место в практической деятельности братьев-рыцарей в XII—XIII вв.: «По мере увеличения у ордена чисто мирских членов и богатств, тамплиеры все больше и больше забывают о своих обетах»¹⁹ (бедности, целомудрия, послушания и защиты пилигримов.— М. З.). Конечно, выражение «забывают» не совсем соответствует подлинному положению вещей: точнее было бы сказать, что первоначальные функции ордена все явственнее отступали у него на задний план по сравнению со стяжательством всякого рода. Но в основе своей мысль Фортинского все же близка к истине.

Нельзя в большей или меньшей степени не согласиться и с некоторыми из остальных его высказываний по данному комплексу вопросов, вроде, например, следующего: «Огромные богатства, скопившиеся в руках тамплиеров, делали невозможным строгое соблюдение обета бедности»²⁰. Следовало бы только добавить, что храмовники и в первые десятилетия своей

¹⁵ Ф. Фортинский, Указ. соч., стр. 3—4.

¹⁶ Там же, стр. 4—5.

¹⁷ Там же, стр. 5.

¹⁸ Там же, стр. 4.

¹⁹ Там же, стр. 5.

²⁰ Там же.

деятельности не слишком старались соблюдать этот обет, о чем свидетельствует хотя бы их поведение при взятии Аскалона²¹.

Вообще отдельные положения фактического характера, встречающиеся в статье Фортинского, не всегда отличаются точностью²².

Однако это не умаляет в целом интересных выводов его исследования. Многие установленные им по источникам фактические сведения о судьбах ордена тамплиеров, сведения, которые Фортинский впервые доставил русскому читателю, а также его суждения, содержавшие в общем довольно объективную и трезвую оценку деятельности храмовников, отличались новизной и представляли определенную познавательную и научную ценность.

Интерес Фортинского к крестоносной тематике не был скоропреходящим. Вскоре после первой он выступил со второй работой, на этот раз имевшей уже самое прямое отношение к истории крестовых походов. В 1882 г. в двух последовательных выпусках «Университетских известий», была напечатана его большая статья «Научная разработка истории Первого крестового похода»²³. К этому времени западноевропейская историография крестовых походов достигла весьма важной стадии своего развития. Большие успехи были достигнуты в области собирания и публикации источников для истории крестовых походов. Со времени выхода в свет монографии немецкого исследователя Г. Зибеля «История Первого крестового похода» (1841) западноевропейские буржуазные историки, овладевая источниками, стали все больше и больше отказываться от традиционных представлений, восходивших к апологетической историографии романтиков начала XIX в., в свою очередь некритически опиравшейся на построения западных летописцев XII—XIII вв. На место многотомных и в целом компилятивных трудов сводного характера пришли конкретные исследования, пересматривавшие разнообразные проблемы истории крестовых походов в свете критического анализа источников. Отделение достоверного материала от недостоверного, установление подлинных фактов истории крестовых походов (в противовес фантастическим выдумкам хронистов), прежде всего расчистка авгиевых конюшен прокатолической историографии, нагромоздившей в течение столетий немало нелепостей, по традиции принимавшихся историками за факты настоящей истории крестовых походов, — вот каково было вкратце главное направление в развитии европейской историографии крестовых походов к началу 80-х годов. Преобладающим в работах западных медиевистов сделался дух всеобъемлющего критицизма по отношению к источникам, а под углом зрения тех выводов, которые добывались в процессе критики источников, выдвигались и новые, более реалистичные взгляды на крестовые походы в целом и отдельные вопросы их истории. К началу 80-х годов вся эта поистине гигантская работа, в которую были втянуты многие десятки историков и филологов самых разнообразных специальностей, находилась в самом разгаре. При таких обстоятельствах было чрезвычайно важно подвести хотя бы

²¹ См. М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 130.

²² Вряд ли верно, к примеру, мнение, что «падение Иерусалимского королевства освободило орден от обязанности покровительства пилигримам» (Ф. Фортинский. Указ. соч., стр. 5): ведь по договору 1192 г. паломники сохраняли возможность совершать свои благочестивые (или мнимоблагочестивые) путешествия в священный град. См. М. А. Заборов. Крестовые походы, стр. 176.

²³ Ф. Фортинский. Научная разработка истории Первого крестового похода. «Университетские известия», критико-библиографический отдел. Киев, 1882, № 4, стр. 83—99; № 5, стр. 227—240. Известно, также, что Фортинский читал в Киевском университете спецкурс по истории крестовых походов. См. «Очерки исторической науки в СССР», т. II, стр. 343. К сожалению, нам не удалось обнаружить каких-либо материалов этого курса.

некоторые итоги уже сделанному, с тем чтобы наметить дальнейшие перспективы этой работы. За этот труд и взялся русский медиевист Фортинский. Результаты его были им обобщены в упомянутой выше статье «Научная разработка истории Первого крестового похода».

Статья, содержание которой выходит за рамки ее названия, явственно распадается на две части: в первой дается исторический обзор издания источников, во второй рассматриваются основные вехи развития собственно историографии крестовых походов. Прежде всего, Фортинский изложил историю собирания и издания памятников по крестовым походам, начиная с XVI в., когда были сделаны первые, робкие шаги в этой области, и кончая третьей четвертью XIX в., когда учеными уже была выполнена сравнительно большая работа в этом направлении. Основываясь на материалах уже выпущенных в свет коллекций, таких как «Gesta Dei per Francos» Ж. Бонгара и «Recueil des Historiens des Croisades», а также на данных отчетов Французской академии надписей, по почину которой издавалась последняя коллекция, Фортинский последовательно воспроизвел историю публикации памятников крестоносного движения. Киевский ученый, сам прошедший основательную в этом отношении медиевистическую подготовку в Парижской школе хартий, главное внимание уделял при этом методам обработки рукописей, применявшимся издателями и редакторами тех или иных коллекций, системе размещения и распределения источников в разных изданиях и т. п. вопросам источниковедческого характера.

Обзор изданий источников был выполнен Фортинским с большой обстоятельностью и полнотой. Историк учел не только хорошо известные медиевистам того времени серии публикаций, но и материалы, которые были в свое время только подготовлены и по тем или иным причинам так и не увидели света, как, например, восточные (арабские) памятники, собранные и в отрывках переведенные на латинский язык бенедиктинцем Дом Бертеро в 1739—1791 гг.²⁴; были также приняты во внимание отдельные западные хроники, опубликованные разрозненно в собраниях Дюшеня, Мартеня и Дюрана, у Люка д'Апери, Мабильона²⁵ и т. п. Фортинский постарался включить в свой обзор все доступные ему новейшие издания: за их появлением историк, как видно из его работы, внимательно следил по указаниям в зарубежной периодической литературе. В частности, Фортинский первым из русских медиевистов информировал российскую историческую общественность о начале издательской деятельности Французского Общества Латинского Востока и его первых трудах, напечатанных в конце 70-х годов — таких, как книга Риана «Священная константинопольская добыча» (1878) и др.²⁶ Автор обзора не ограничился простым перечислением в хронологическом порядке и внешней характеристикой или описанием состава различных публикаций. Он дал их сравнительную оценку как с точки зрения полноты охвата документов, собранных в каждой коллекции, так и их расположения, подбора, научной обработки²⁷, степени использования редакторами достижений исторической критики и т. п.²⁸ Иначе говоря, раскрывая историю подготовки и осуществления различных изданий, Фортинский в каждом отдельном случае указывал их достоин-

²⁴ Ф. Фортинский. Научная разработка..., стр. 87—88.

²⁵ Там же, стр. 86.

²⁶ Там же, стр. 98—99.

²⁷ Там же, стр. 91—92.

²⁸ Там же, стр. 97—98. Любопытно, например, важное замечание Фортинского в адрес издателей «Recueil des Historiens des Croisades», которым он справедливо ставил в упрек незнание принципов расположения материала источников, принятых Г. Пертцем в собрании Monumenta Germaniae historica (там же, стр. 91).

ства и недочеты с источниковедческой точки зрения, так что сделанный им обзор сам по себе тоже носил критический характер.

Рассматриваемая часть работы Фортинского страдала, однако, одним серьезным изъяном. Говоря об изданиях в разное время тех или других собраний источников, автор, как правило, не пытался установить какой-либо связи между их появлением (в качестве историко-литературного факта) и историей той эпохи, которой они были обязаны своей публикацией. Фортинский, будучи буржуазным историком юридической школы, не улавливал зависимости конкретных фактов историко-литературного процесса (в данном случае — публикации памятников) от социально-политической обстановки того времени, когда эти факты имели место. Усилия ученых в области собирания, изучения и публикации источников по крестовым походам историк объяснял одними только чисто научными потребностями эпохи: постепенным накоплением материала, необходимостью его систематизации и пр. «Быстрое накопление материала для истории крестовых походов и его разбросанность по многочисленным изданиям различных государств Европы сами собой (sic! — М. З.) наводили на мысль о необходимости соединения его в новую, более обширную коллекцию, чем какую дал Бонгар»²⁹, — так, например, писал Фортинский о причинах, побудивших в XVIII в. мавриста Дом Букэ задумать издание всех памятников, относящихся к истории крестовых походов. В аналогичном сугубо замкнутом академических рамках плане рассматривалась им и деятельность Французской академии надписей в XIX в. по изданию «Recueil des Historiens des Croisades», в которой Фортинский видел лишь естественное «продолжение работ, начатых конгрегациею св. Мавра»³⁰, и реализацию «задуманного бенедиктинцами плана издания памятников»³¹. Даже создание Рианом Société de l'Orient Latin в 1875 г. Фортинский выводит исключительно из того, что «медленность, а пожалуй, и некоторая небрежность в издании «Recueil des Historiens des Croisades» глубоко огорчала французских ученых, особенно лучшего знатока крестовых походов, гр. де Рианта. Чтобы хотя несколько помочь беде, он решился организовать ученое общество, которое задалось бы целью издавать те материалы по истории Латинского Востока, которые не нашли еще, а может быть, и не найдут места в сборнике академии»³². Едва ли не единственным отступлением от такого формально-хронологического метода изложения, при котором каждая последующая попытка публикации памятников или их издание логически выводятся так или иначе из предшествующих, т. е. рассматриваются либо как продолжение первых, либо как их дополнение, является объяснение Фортинским усиления издательской активности в данной области, имевшей место в конце XVI — начале XVII в., результатом чего было появление коллекции Бонгара (1611), а именно: Фортинский указывает на большое значение в этом отношении Реформации, под влиянием которой «начались споры у протестантов с католиками, причем как те, так и другие в истории искали доказательств для своих взглядов» (разрядка наша. — М. З.)³³. При этом автор довольно верно замечает: «В своих исторических изысканиях протестанты обнаружили несравненно более скептицизма, чем католики, и раньше их положили основание исторической критике»³⁴. Но данное наблюдение историка представляет собой исключение в этом роде. К тому же и оно, как нетрудно

²⁹ Ф. Фортинский. Научная разработка..., стр. 86.

³⁰ Там же, стр. 88.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 98.

³³ Там же; стр. 84.

³⁴ Там же.

заметить, носит поверхностный характер. Фортинский не стремился показать конкретно обусловленность, а тем более направленность изданий протестантских историков, того, на что, собственно, был нацелен их критицизм и какие цели он преследовал.

Несмотря на указанный принципиальный недостаток первой части работы Фортинского, она все же сохраняет и по сию пору свое научное значение благодаря систематически собранному автором материалу по истории публикации источников. Нельзя не отметить, что Фортинский был первым не только русским, но и европейским медиевистом, разработавшим в меру своих возможностей доступный ему материал. Тем самым он заложил определенную основу для дальнейшей работы по созданию, если так можно выразиться, истории источниковедения крестовых походов. Другими словами, Фортинский впервые в мировой историографии дал себе труд проследить — и притом довольно детально — основные этапы той большой работы, которая была проведена рядом западноевропейских исследователей до конца 70-х годов XIX в. по изданию памятников крестовых походов — в этом состоит историографическая ценность рассмотренной части его статьи.

Вторая часть работы киевского медиевиста, как уже было отмечено, посвящена собственно западноевропейской историографии крестовых походов. По своему уровню эта часть статьи значительно уступает рассмотренной ранее. Свой историографический обзор Фортинский начинает прямо с характеристики трудов историков начала XIX века — Ж. Мишо и Ф. Вилькена³⁵, лишь вскользь, и притом в самом общем виде, упоминая об их предшественниках (даже имена этих последних не называются)³⁶. Вообще эта часть работы не отличается полнотой. Многие произведения западноевропейских историков остались просто недоступными Фортинскому (об их существовании, впрочем, он знал из данных библиографии, за которой внимательно следил)³⁷. Однако, едва ли не самым серьезным изъяном второй части работы Фортинского является то, что все рассматриваемые в ней труды по крестовым походам ученый разбирает под одним единственным, хотя и нужным, но ограниченным, углом зрения, а именно: его интересует только отношение авторов разбираемых им произведений к источникам. Этим всецело определяется оценка, даваемая тем или иным сочинениям о крестовых походах. Анализ того, что мы бы назвали идейным содержанием этих работ, в статье Фортинского совершенно отсутствует. Принципиальные установки исследователей, их общие идеи, важнейшие выводы о наиболее существенных моментах крестоносного движения — все эти и подобные вопросы Фортинский обходит стороной. В этом ясно сказывается методологическая ограниченность Фортинского как историографа. Отчасти, конечно, подобный односторонний подход к предмету был обусловлен самим состоянием научной разработки истории крестовых походов в начале последней трети XIX в. Как уже было отмечено, в то время злобой дня в европейской исторической литературе по крестовым походам служили именно вопросы толкования и оценки источников. Эти вопросы дебатировались в первую очередь в монографиях, диссертациях и статьях, что, несомненно, отразилось и в направленности историографического обозрения работы Фортинского. В то же время отсутствие у историка всякого интереса к эволюции общих представлений о крестовых походах в литературе XIX в., возможно, было связано в какой-то степени с особенностями

³⁵ Ф. Фортинский. Научная разработка..., стр. 227—229.

³⁶ Там же, стр. 228, 235.

³⁷ См. там же, стр. 240, прим. 2, где сопоставляются библиографические перечни по крестовым походам в «Jahresberichte der Geschichtswissenschaft» и в «Archive de l' Orient Latin» за 1878—1879 гг.

российской социально-политической действительности начала 80-х годов, вообще не благоприятствовавшей постановке острых идейно-теоретических проблем в исторических исследованиях. Как бы то ни было, но собственно историографическая часть работы Фортинского — это прежде всего обзор литературы по изучению источников; в основу его историк положил именно оценку отношения авторов трудов, им рассматриваемых, к источникам.

В этом плане, тем не менее, статья Фортинского содержала немало ценных конкретных сведений, в своей совокупности довольно четко выражавших ход развития фактических знаний об истории, точнее — об источниках по истории главным образом Первого крестового похода. Как и в характеристике изданий источников, в своем историографическом обзоре Фортинский выступил в качестве самобытного исследователя. Он не довольствуется простым пересказом воззрений авторов рассматриваемых им трудов на историкоисследовательские проблемы истории крестовых походов. Фортинский расценивает их со строгой критической меркой. Подчас он высказывает собственные, вполне оригинальные суждения по тем или иным вопросам, находя различные недостатки в трудах западноевропейских исследователей³⁸.

Не всегда, однако, критические замечания историка хорошо аргументированы³⁹, иногда же они просто поверхностны⁴⁰. Работе Фортинского присущи и иные промахи. В обзоре сочинений по истории крестовых походов отсутствует хронологическая последовательность⁴¹. Налицо непоследовательность и в их оценках⁴², а также в отборе сочинений для обозрения. Как правило, Фортинский анализирует специальные монографии по истории крестовых походов (обзор заканчивается разбором исследований Г. Хагенмейера и некоторых других работ конца 70-х годов), однако наряду с ними в его статье фигурирует и «Всеобщая история» Вебера⁴³.

Односторонний подход Фортинского к изучавшимся им произведениям породил некоторые ошибочные принципиальные суждения ученого. Фортинский полагал, например, будто только «недостаток полного собрания материалов по истории крестовых походов дает возможность понять, почему в современной исторической литературе нет ни одного произведения, удовлетворительно, с научной точки зрения разъясняющего эту замечательную эпоху во всем ее объеме»⁴⁴. Несостоятельность этого положения станет очевидной, если учесть, что даже при наличии достаточного числа источников, разработанных в конце XIX и в XX в., буржуазной медиэви-

³⁸ См. Фортинский. Научная разработка..., стр. 229 — критика монографии Б. Куглера «История крестовых походов»; там же, стр. 239 — критика работы того же историка «Кюнины и крестоносцы» и т. д.

³⁹ Так, говоря о статье молодого Б. Куглера «Бозмунд и Танкред» (1862), Фортинский находит «преувеличенным» его мнение о планах Бозмунда «основать обширное государство на Востоке с центром в Антиохии» (там же, стр. 239), ничем не подтверждая своего несогласия с немецким историком.

⁴⁰ Например, единственный в сущности упрек, который он делает Хагенмейеру, автору капитального исследования легенды о Петре Пустыннике, состоит в том, что книга этого историка чересчур объемиста (там же, стр. 240).

⁴¹ Так, оценка книги Б. Куглера «История крестовых походов», опубликованной в 1880 г., предшествует разбору «Истории Первого крестового похода» Г. Зибеля, вышедшей за четыре десятка лет до этого, хотя сам Фортинский характеризует более позднюю работу (Куглера) как сокращение труда Зибеля (там же, стр. 229—230 сл.)

⁴² Убедительно показав недостоверность фактической основы трудов Мишо и Вилькена, Фортинский все же замечает, и притом дважды, что эти труды якобы «не вполне еще потеряли научное значение» (там же, стр. 227; ср. там же, стр. 229: «Хотя [они] и не утратили еще значения, как последние, самые большие компиляции по истории крестовых походов, конечно, не могут быть названы удовлетворительными в критическом отношении»).

⁴³ Там же, стр. 229.

⁴⁴ Там же, стр. 230.

стике не удалось создать труда, вполне отвечающего действительно научным требованиям. Ошибочной была и оценка Фортинским значения монографии Г. Зибеля «Истории Первого крестового похода». Фортинский полагал, что «все новейшие исследователи Первого крестового похода ограничиваются исключительно или развитием взглядов Зибеля, или стремлением сделать в них некоторые улучшения или поправки»⁴⁵. В действительности, хотя монография Зибеля в свое время сыграла очень крупную роль в деле критического пересмотра сложившихся ранее представлений об истории Первого крестового похода, однако, уже в конце 70 — начале 80-х годов в историографии возникло течение, представители которого старались подорвать зибелевский радикализм в критике источников. Сам Фортинский приводит мнение французского исследователя П. Мейера относительно лотарингской хроники Альберта Аахенского, в корне расходившееся с гиперкритическим суждением на этот счет Зибеля⁴⁶.

В целом исследование Фортинского «Научная разработка истории Первого крестового похода» следует признать определенным вкладом отечественной медиевистики в изучении крестоносной проблематики. Отвечая назревшей в европейской историографии потребности, автор критически суммировал в своей статье результаты трудов, выполненных западными специалистами в области публикации и исследования источников по крестовым походам, главным образом Первого, основательно познакомив в то же время русскую историческую общественность как с ходом самих этих исторических исследований, так и с их современным состоянием на Западе. Работа Фортинского не могла не пробудить интереса к дальнейшему изучению поставленных им проблем. Историографический уклон в исследованиях крестоносных сюжетов впоследствии займет прочное место в работах отечественных историков.

Вместе с тем в 80—90-х годах русские исследователи все чаще обращались и к изучению самой истории крестовых походов. Как уже было отмечено, инициатива этих исследований и ведущая роль в них чаще всего принадлежала византинистам, вносящим в работы по крестоносной проблематике большое своеобразие.

В 1883 г. была опубликована работа известного византиноведа П. В. Безобразова «Боэмунд Тарентский»⁴⁷. Хотя в ней рассматривались преимущественно вопросы норманно-византийских отношений в конце XI — начале XII в., однако одно из важных мест в работе занимала история военной и дипломатической деятельности Боэмунда Тарентского, как самого видного предводителя крестоносцев Первого похода⁴⁸. Безобразов справедливо усматривал цель восточной политики воинственного нормандца в основании независимого княжества на Востоке⁴⁹. Именно в этом историк видел главную причину многолетнего конфликта Боэмунда, завладевшего в 1098 г. Антиохией и ставшего князем Антиохийским, с Византией. На основании ряда источников, главным образом «Алексиады» Анны Комниной, Безобразов рисовал хищный облик нормандского князя, не лишённого военных и дипломатических талантов и в качестве вождя крестоносцев «умевшего пользоваться обстоятельствами»⁵⁰, показывая, как широкие захватнические планы Боэмунда на Востоке, столкнувшись с трудностями одновременной борьбы против сельджуков и Византии, потерпели

⁴⁵ См. Фортинский. Научная разработка..., стр. 240.

⁴⁶ Там же, стр. 238.

⁴⁷ П. Безобразов. Боэмунд Тарентский. ЖМНП, ч. 226, 1883, стр. 37—119.

⁴⁸ Там же, стр. 72—94.

⁴⁹ Там же, стр. 78, 82.

⁵⁰ Там же, стр. 119.

крах. Статья Безобразова содержала богатый фактический материал, подняв который, автор открыл перед читателем яркую страницу в истории первой большой крестоносной авантюры европейского рыцарства. Ценной в работе Безобразова являлась, несомненно, реалистическая характеристика крупнейшего руководителя и политика крестоносцев — князя Боэмунда.

В своей работе Безобразов касался попутно и некоторых общих вопросов истории крестоносного движения, например, его предпосылок. Однако этот вопрос раскрывался историком идеалистически, на основе позитивистской теории равноправных факторов. Крестовые походы, по Безобразову, были вызваны действием разнообразных причин, каждая из которых имела значение, одинаковое с другими; среди них в статье фигурируют и аскетическое устроение на Западе, и воинственный дух рыцарства, обуревавшая его жажда приключений, и угнетенное положение народа, и плачевное положение Византии в конце XI в., и стремления римских пап к ее подчинению⁵¹. При этом акцент все же историк делал на обстоятельствах идейного порядка⁵². Работа Безобразова отнюдь не носила чисто академического характера: ее политическая тенденция совпадала с реакционными по своей направленности взглядами Васильевского, хотя и проводилась историком в более завуалированной форме.

Тем не менее статья Безобразова представляет определенный интерес, особенно в историографическом плане, лишняя раз свидетельствуя о самостоятельности путей развития крестоносных исследований в русской медиэвистике. При рассмотрении различных вопросов истории Запада и Востока в начале крестовых походов Безобразов, опираясь в известной мере на работы современных западноевропейских, преимущественно немецких, медиэвистов, вместе с тем вполне обоснованно критиковал мнения Г. Зибеля, Б. Куглера и некоторых других историков крестовых походов, указывая на то, что они уделяли недостаточное внимание политической истории Востока и, главное, не понимали всей глубины политических противоречий, разделявших Византию и итальянских нормандцев. Таким образом, Безобразов, как и его ближайшие предшественники, критически использовал достижения зарубежной историографии крестовых походов, углубляя и уточняя представления о событиях Первого крестового похода на основе самостоятельного изучения источников.

Рассмотренные выше труды 70—80-х годов при всех их недостатках, обусловленных как состоянием данной области медиэвистики, так и политическим мировоззрением авторов, слабостью их методологических позиций и пр., отражают все же определенную ступень в развитии исторической науки. Этого нельзя сказать о популяризаторских сочинениях того же периода, написанных на крестоносные сюжеты. Таких произведений создано было, правда, очень немного, но зато их научный уровень оставляет желать много лучшего. Эти разрозненные очерки составлялись вскоре после русско-турецкой войны с явной пропагандистской целью (раздувание религиозно-патриотического угара, разжигание антитурецких настроений в простом народе, распространение идей «христианского героизма») и в качестве противовоядя против «революционной заразы», а также для поддержания у читателей интереса к участи святых мест в Палестине, иначе говоря, для «потенциального» исторического оправдания внешней политики царизма.

⁵¹ Там же, стр. 76

⁵² Показательно, что он с похвалой отзывался о взглядах Зибеля как раз потому, что немецкий историк «в направлении умов», «а не в других второстепенных и случайных обстоятельствах искал причины Первого крестового похода» (там же, стр. 72, прим. 2).

Такого рода тенденции отчетливо проявились, в частности, в очерке неизвестного автора «Готфрид Буйльонский и Первый крестовый поход», опубликованном в 1882—1883 гг. в сборнике «Рассказы из истории средних веков»⁵³. Сборник этот был издан «Обществом распространения полезных книг». По своему содержанию и характеру очерк вполне соответствовал остальной литературе, распространявшейся в народе этой «просветительной» организацией: в основном это была религиозная литература ортодоксально-православного направления, типичная для официального пропагандистского курса «темного времени» — реакции 80-х годов⁵⁴. История крестовых походов также была приспособлена издателями к их сугубо благонамеренным целям. Рассказ о Первом крестовом походе, целиком выдержанный в духе церковно-исторической традиции, изображал это предприятие исключительно как религиозную, священную войну христиан с «врагами их веры» за святой гроб. Причиной крестового похода, по описанию автора, послужили веками нараставшие и прорвавшиеся, наконец, возмущение и ненависть христиан против мусульман, сперва — арабов, затем — турок. В очерке описывались жестокости «нехристей» по отношению к христианскому населению Сирии и Палестины; в качестве исторических фактов сообщались всевозможные домыслы церковников об антихристианских изуверствах «ненавистного племени», о героическом отпоре, который якобы им давали христиане, об издевательствах «неумолимых врагов» над мирными паломниками и т. п. выдумки церковных историков⁵⁵. В конце концов, заявляет автор, «после многих лет терпения и страдания искры, тлевшие на Востоке и на Западе, разгорелись и зажгли пламя, которому было суждено погаснуть не скоро»⁵⁶.

Весь рассказ о положении святой земли накануне крестовых походов построен был на недостоверных известиях и имел, несомненно, целью подогреть среди читателей этими лжеисторическими сведениями религиозную вражду к «нехристям». Этим стремлением в значительной мере был проникнут и очерк в целом⁵⁷. В выпренных тонах воспроизводится в нем призывная речь Урбана II в Клермоне (текст ее почти полностью сочинен автором очерка); также описывается «неудержимый восторг», охвативший «весь народ» после этой речи, выступление крестоносцев Петра Пустытника; с состраданием рассказывается о гибели якобы 500 тысяч первых «несчастливых крестоносцев», участников этого «печального и бесполезного похода» 1096 г.⁵⁸

Героической эпопеей рисуется последующая священная война «настоящего войска», превозносятся его вожди, и прежде всего «самый храбрый и благочестивый рыцарь своего века» Готфрид Бульонский⁵⁹. Зачастую в очерке приводятся в качестве действительных фактов всевозможные вымышленные летописцами события, прославляющие Готфрида и уже со времен Зибеля переставшие служить достоянием подлинной истории крестового похода (например легенда о схватке герцога с медведем в Малой

⁵³ Собственно говоря, это даже название всей книжки; учитывая, однако, что в ней помещено еще несколько других рассказов на средневековые темы, не имеющих никакого отношения к крестовым походам, следует признать этот заголовок в качестве общего для сборника в целом странным недоразумением.

⁵⁴ Среди изданий «Общества» фигурировали, например, такие брошюры, как «Придите и поклонимся святому кресту», «О смиренной покорности», «Извлечение из песнопения на Рождество Христово», «Рассказы для детей о земной жизни Спасителя», «Св. пророк Илья», «О подражании Иисусу Христу» и т. п.

⁵⁵ Готфрид Буйльонский и Первый крестовый поход. М., 1882—1883, стр. 5 и сл.

⁵⁶ Там же, стр. 6.

⁵⁷ См., например, стр. 8, 11—12 и др.

⁵⁸ Там же, стр. 14.

⁵⁹ Там же, стр. 17.

Азии)⁶⁰. При всяком удобном случае автор не устает напоминать читателям о религиозной основе предприятия; она выступает на первый план даже при описании наиболее значительных в чисто стратегическом отношении эпизодов военных кампаний⁶¹. Особенно густо насыщено всякого рода религиозными реминисценциями описание битвы крестоносцев за Иерусалим — «город, который Господь избрал для Своей обители, где Он умер, где Он воскрес из мертвых», и т. д.⁶² Чуть ли не на каждой странице очерка встречаются то хвалебные дифирамбы доблестным воинам креста, горевшим огнем веры и храбрости, и их благородным предводителям, то выражается сочувствие к страданиям, которые крестоносцы претерпевали на пути к Иерусалиму (голод в Антиохии); при этом везде главным образом один герой — «мудрый» Готфрид — выступает их спасителем⁶³.

Противопоставляя христиан мусульманам, автор на все лады оттеняет прежде всего мнимое нравственное превосходство первых над последними. Только этим объясняется, например, победа крестоносцев над Кербогой: хотя «мусульманское войско было гораздо больше христианского, ... но мужество крестоносцев и мудрость их вождей... превозмогли грубую силу неверных»⁶⁴.

Очерк «Готфрид Буйльонский и Первый крестовый поход» может служить одним из примеров исторической фальсификации крестоносного движения конца XI в. в русской популярной исторической литературе 80-х годов. Эта фальсификация предпринята была во имя поэтизации крестовых походов, ради распространения идей христианского героизма и вражды к иноверцам, прежде всего туркам, недавним противникам России. Тенденции, отчетливо проводившиеся в очерке, не раз всплывут в популяризаторских работах русских реакционных историков уже в начале XX вв.

Следует, однако, иметь в виду, что большую часть отечественной литературы о крестовых походах в рассматриваемый период составляли сугубо ученые, специальные сочинения, в которых если и присутствовал «политический элемент», обращенный к современности, то он фигурировал где-то в «глубине сцены» и не заслонял в той или иной степени объективно ценных конкретных результатов трудов названных выше историков.

Ярким подтверждением этого может служить этюд Ф. И. Успенского «Византия и крестоносцы» (1892)⁶⁵. В этом ныне совсем забытом очерке молодого тогда историка, впоследствии видного русского византиноведа, был дан как бы первоначальный набросок той концепции истории крестовых походов, которая получила развитие в его последующих трудах по крестоносной проблематике⁶⁶. Но он имел и самостоятельное значение. Этюд Успенского был первым в отечественной историографии произведением, рисовавшим важнейшие перипетии всей истории Четвертого крестового похода. Автор привлек к его характеристике наряду с более или менее изученными в литературе свидетельствами западных и византийских памятников весьма ценные и еще в сущности не оцененные в научный

⁶⁰ Там же, стр. 18—19.

⁶¹ Так, важность схватки за Антиохию определялась, в изображении автора, в особенности тем, что именно «здесь первые ученики Спасителя приняли название христиан, здесь св. Апостол Павел начал свой благословенный подвиг» (там же, стр. 19).

⁶² Там же, стр. 25; ср. стр. 28.

⁶³ Там же, стр. 21 и сл.

⁶⁴ Там же, стр. 24.

⁶⁵ Ф. У с п е н с к и й. Византия и крестоносцы (Завоевание латинянами Константинополя). «Южный сборник» в пользу пострадавших от неурожая. Одесса, 1892, стр. 195—222.

⁶⁶ Самый текст очерка, как показывает его сравнение с книгой Ф. Успенского «Крестовые походы» (1901), почти в неизменном виде вошел в ту часть последней, которая посвящена была Четвертому крестовому походу.

оборот, хотя и известные западноевропейским ученым (например К. Гопфу), данные Новгородской летописи⁶⁷. Он выдвинул во многом оригинальную схему Четвертого крестового похода. Как ее достоинства, так и недостатки были обусловлены «византиноведческим происхождением» очерка, близкого по своим общим установкам к исследованиям Васильевского.

Основной идеей статьи Успенского являлся тезис о противоположности интересов и устремлений Западной Европы и Византии в эпоху крестовых походов, наиболее рельефно проявившейся в судьбах константинопольской авантюры рыцарства в начале XIII в. Проблема взаимоотношений Запада и Византии — центральная в очерке. Она поставлена еще в самом общем виде применительно к начальным этапам крестоносного движения⁶⁸. Детально же представление о противоположности интересов Запада и Византии развернуто при анализе событий собственно Четвертого крестового похода. По словам Успенского, к его началу сложилась такая комбинация «политических обстоятельств», которая позволила совместить «идею крестовых походов» с «движением на Византию»⁶⁹. Основная часть этюда Успенского и была посвящена разбору этих политических обстоятельств конца XII — начала XIII в., при которых крестоносцы сыграли «роль молота, а Византия — наковальни»⁷⁰.

Тот факт, что Успенский уделил серьезное внимание международной политике эпохи Четвертого крестового похода, сам по себе составлял несомненную заслугу ученого, продолжавшего в этом отношении, как сказано, линию, намеченную Васильевским. Не менее важно, однако, и то, что Успенский высказал ряд интересных наблюдений и выводов относительно различных конкретных событий и судеб Четвертого крестового похода в целом. По выразительному определению историка, экспедиция 1202—1204 гг. явилась «результатом политических отношений того времени: с одной стороны, между империями восточной и западной, с другой — между Венецией и Византией»⁷¹. Таким образом, Четвертый крестовый поход выступал в изображении Успенского как мероприятие политического характера, непосредственно связанное с развитием международной жизни своего времени. Причина, вызвавшая поворот войска крестоносцев в сторону Византии, заключалась, по мысли историка, в конечном счете «в политических и торговых мотивах вождей, заправлявших крестоносным движением» и старавшихся «обратить» его «в средство для достижения частных целей»⁷². Такая постановка вопроса означала определенный положительный сдвиг не только в объяснении самого Четвертого крестового похода, но и вообще в понимании крестовых походов, которые нередко даже в литературе второй половины XIX в. рисовались в качестве продукта чисто религиозной борьбы.

Следуя известным в медиевистике того времени фактам (Успенский, как можно предполагать, был хорошо знаком с работами Риана, Штрейта, Тессье и других западноевропейских историков, занимавшихся проблема-

⁶⁷ Ф. Успенский. Византия и крестоносцы, стр. 215, 221.

⁶⁸ Так, Успенский отмечал антивизантийскую направленность крестоносной политики вождей южноитальянских норманнов в конце XI — начале XII в. (Боэмунда и Танкреда), которые «приняли крест в надежде свести счеты с Византией» (там же, стр. 195). Несколько более подробно, но все же еще довольно схематично прослеживалось развитие западовизантийских противоречий ко времени Второго крестового похода. Его неудачи получили на Западе «тенденциозное истолкование», после них там «гласно и открыто стали говорить, что нельзя достигнуть цели походов до тех пор, пока не устранено будет главнейшее препятствие, которое видели в схизматическом византийском царстве» (там же, стр. 197).

⁶⁹ Там же, стр. 197.

⁷⁰ Там же, стр. 201.

⁷¹ Там же, стр. 202.

⁷² Там же, стр. 195.

ми Четвертого крестового похода), автор мастерски изложил довольно сложные и запутанные обстоятельства европейско-византийской дипломатии конца XII — начала XIII в. Он удачно сочетал рациональные моменты, имевшиеся в противоречивых построениях названных ученых, и основательно раскрыл в очерке тайные интриги, которые плелись на Западе вокруг крестового похода, показав активную роль в них Германии с ее стремлением утвердить на константинопольском престоле Комнинов, дружественных Гогенштауфенам, купеческой Венеции с ее материальными интересами и т. д.⁷³ При этом, в отличие от западноевропейских медиевистов, подчас апологетически приписывавших папству стремление оказать противодействие интригам руководителей крестоносного воинства, Успенский — в этом чрезвычайно ценная сторона проведенного им изучения истории Четвертого крестового похода — убедительно, с нашей точки зрения, хотя и основываясь более на общих соображениях, чем на документальных свидетельствах, разоблачил двуличие политики Иннокентия III в походе. Папа, по справедливому мнению историка, «связал себя... согласием смотреть сквозь пальцы на подготовлявшуюся авантюру»⁷⁴.

Наконец, в очерке был ярко воссоздан облик самих участников крестового похода — алчных грабителей и свирепых насильников, запятнавших себя разбоями в христианских городах — Заре и Константинополе⁷⁵.

В этюде Успенского в то же время довольно отчетливо сказались идеалистические исторические взгляды автора и его весьма консервативные политические убеждения. Так, в своих рассуждениях о крестовых походах XI—XII вв. он преувеличивал значение в них религиозных мотивов, утверждая, будто «первых крестоносцев» одушевляла «религиозная вражда к мусульманству» и что будто в первых трех крестовых походах «громкие жертвы были принесены в удовлетворение религиозного чувства»⁷⁶. Причины непрочности владычества крестоносцев на Востоке он усматривал в том, что в их государствах «торговые и политические интересы стали преобладать над религиозными, вследствие чего между самими христианскими государствами обнаружилась рознь»⁷⁷ (как будто до этого религиозные интересы были решающими в действиях крестоносцев) и т. д.

Успенский, являвшийся с самого начала своей научной деятельности одним из усердных проповедников внешнеполитической программы самодержавия⁷⁸, уже в данном этюде внес в изложение событий крестовых походов элементы модернизации, имевшей реакционную политическую окраску. По его мнению, история Четвертого крестового похода показательна не только «для характеристики отношений между Западной и Восточной Европой» на рубеже XII—XIII вв., но равно и «для оценки религиозного и культурного антагонизма, который так резко отделяет два мира, разделяющие господство в Европе»⁷⁹. Успенский, правда, пока еще формулируя свою мысль весьма осторожно и несколько неопределенно, как бы стремился извлечь из истории прошлого своеобразный политический урок для современных ему отношений этих двух миров. Суть урока в том, что едва ли не главной причиной неудач, постигавших крестоносцев на Востоке, историк объявлял... отсутствие у них прочного союза с Византией: «для успеха грандиозного предприятия — удержать за христианами Сирию и Па-

⁷³ Там же, стр. 203 сл.

⁷⁴ Там же, стр. 206; ср. стр. 202.

⁷⁵ Там же, стр. 205, 214—215 и др.

⁷⁶ Там же, стр. 198.

⁷⁷ Там же, стр. 197.

⁷⁸ См. подробней З. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. ВИ, 1949, № 6.

⁷⁹ Ф. Успенский. Византия и крестоносцы, стр. 197—198.

лестину», — писал он, — «было необходимо» «совместное действие» с православной империей»⁸⁰. Крестоносцы поступали как раз вопреки этому: политика их вождей, которые уже с конца XI в. добивались сведения счетов с Византией, а в начале XIII в. даже разгромили Константинополь, «должна была очень серьезно затронуть интересы империи»⁸¹. Мало того, когда участники Четвертого крестового похода разорили и жгли ее столицу, на Западе, «ничья властная рука не поднялась на защиту попираемого ногами права»⁸². В этих словах — запоздалый исторический упрек Западу, который, осуществляя свою завоевательную политику и будучи ослеплен «страстью действовать под влиянием политических расчетов или экономических и финансовых соображений»⁸³, пренебрег интересами Византии, за что и поплатился в конечном счете утратой святой земли, и — более непосредственно (после разгрома Византии) — Адрианопольским поражением от болгар в 1205 г.⁸⁴ Здесь, повторяем, еще в довольно робкой, зачаточной форме была выдвинута политическая идея, которая впоследствии будет развита Успенским в целую теорию исторической вины Запада перед христианством, теорию, которая призвана была служить оправданием агрессивно-колонизаторской политики российских самодержцев — «наследников константинопольских царей» — на мусульманском Востоке.

Со всем этим связаны и различные частные ошибки очерка, а также содержащиеся в нем элементы необъективности в освещении отдельных фактов⁸⁵. Все это существенно умаляло научное значение разобранного этюда Успенского, который в целом, тем не менее, продвигал вперед изучение крестоносной проблематики.

В конце 90-х годов русская историография крестовых походов пополнилась исследованием П. П. Митрофанова «Изменение в направлении Четвертого крестового похода»⁸⁶. Оно составило важный этап в изучении проблемы IV крестового похода не только отечественными, но и западноевропейскими историками. Продолжая дело, начатое еще Васильевским, Митрофанов прежде всего окончательно развенчал «теорию германской интриги», дополнив доводы Васильевского против этой теории новыми соображениями. Далее, он сам предложил оригинальную концепцию истории похода 1202—1204 гг., в гораздо большей степени, нежели построение Ригана, согласовывавшуюся с текстами и прямым смыслом документов. Если «теория германской интриги» односторонне сводила сложную историю крестового похода преимущественно к германскому вмешательству, рассматривая, таким образом, важнейшие зигзаги в событиях 1202—1204 гг. как результат дипломатической деятельности Филиппа Швабского, так что вся эта рыцарская авантюра оказывалась чем-то вроде частного предприятия немецкого короля, то в концепции, разработанной русским историком, связь событий была прослежена значительно более глубоко. Изучая причины поворота крестоносцев сперва — против Зары, затем — на Констан-

⁸⁰ Ф. Успенский. Византия и крестоносцы, стр. 196.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, стр. 221.

⁸³ Там же.

⁸⁴ «Чувство справедливости до известной степени удовлетворено тем, — писал по этому поводу Успенский, — что крестоносцы жестоко поплатились за свою неправду против греков» (там же; ср. стр. 218).

⁸⁵ Так, по Успенскому, Новгородская летопись — единственный памятник, который представлял деяние латинян как позорное («Византия и крестоносцы», стр. 221); изображение событий в этой летописи якобы «стоит совсем одиноко и оказывается в полном противоречии с хвалебными латинскими и французскими описаниями IV похода» (там же, стр. 222). Это суждение, как было установлено позднее, не вполне соответствует действительному положению вещей.

⁸⁶ См. ВВ, IV, 1897, стр. 461—523.

тинополь, Митрофанов, как и Успенский⁸⁷, на первый план выдвинул противоречия различных политических сил на Адриатике и в Средиземном море. Путем скрупулезного анализа большого числа источников и сопутствующего ему тщательного разбора мнений западноевропейских историков Четвертого крестового похода, Митрофанов пришел к двум тесно связанным между собою выводам. Первый заключался в том, что, по мнению историка, поход крестоносцев на Зару, т. е. их первое отклонение от начальной цели — Египта, было делом Венеции, которая воспользовалась стесненным финансовым положением крестоносцев в своих корыстных (торговых и политических) интересах. Без венецианцев «даже вождям ополчения не пришло бы в голову так круто уклониться от своего первоначального пути»⁸⁸. Второй важнейший вывод исследователя гласил, что дальнейший ход событий, приведший к разрушению «старого тысячелетнего царства» (т. е. Византии) и к созданию «на его обломках» «новой, недолговечной монархии», явился результатом действий «многих сил», «выражавших интересы различных лиц», в том числе венецианского дожа Энрико Дандоло, немецкого короля Филиппа Швабского, католического духовенства во главе с папой, византийского царевича Алексея, маркиза Бонифация Монферратского и других баронов⁸⁹.

Аргументация, выдвинутая Митрофановым в подтверждение тезиса о сложности мотивов и причин, приведших крестоносцев к стенам Константинополя, способствовала преодолению предвзятой односторонности, в которую сплошь да рядом впадали буржуазные историки на Западе. Конечно, будучи историком идеалистического направления, Митрофанов не сумел раскрыть до конца многих важных моментов истории похода 1202—1204 гг. Им даже не была, например, сделана попытка вскрыть экономические основы того сцепления интересов, результатом которого, по его же мысли, был захват крестоносцами Константинополя. Не увидел историк и материальной подоплеки политики католической церкви и папства в Четвертом крестовом походе.

Работа Митрофанова по своему характеру являлась как бы продолжением двух линий развития трудов отечественных исследователей крестовых походов, намечившихся в предшествующие десятилетия: с одной стороны — Васильевского и Успенского, с другой — Фортинского. К трудам последнего статья Митрофанова примыкает своей тщательно разработанной историографией. Если Фортинский заложил основы историографии Первого крестового похода, то Митрофанов являлся инициатором критической разработки историографии Четвертого крестового похода.

Ученый систематизирует и подвергает тщательному критическому рассмотрению всю полемику по истории Четвертого крестового похода, развернувшуюся в западноевропейской медиевистике с 60-х годов XIX в. Исследуя мнения современных ему историков Четвертого похода, Митрофанов пристально взвешивал все «за» и «против» каждого из них; путем основательно аргументированного отбора достоверного материала, суровой оценки устаревших воззрений и т. д. ученый приходил к выводам, существенно подрывавшим некоторые установившиеся в западноевропейской историографии и ставшие традиционными взгляды⁹⁰.

Однако при всей живости, обстоятельности, полемической заостренности историографических экскурсов Митрофанова им не доставало того же,

⁸⁷ Статья Успенского «Византия и крестоносцы», охарактеризованная выше, осталась неизвестной Митрофанову, во всяком случае он нигде не ссылается на нее.

⁸⁸ П. М и т р о ф а н о в. Указ. соч., стр. 477.

⁸⁹ Там же, стр. 519.

⁹⁰ Подробный разбор историографических разделов работы Митрофанова дан в нашей статье (ВВ, IV, 1951 стр. 178 сл.).

что и соответствующему очерку Фортинского: понимания тесной связи между суждениями историков о делах давно минувших времен и той социально-политической обстановкой, в условиях и под влиянием которой эти суждения высказывались. Несмотря на это, историографические разделы исследования Митрофанова в качестве критической сводки материала были ценны в свое время да и по сию пору в сущности сохраняют свое значение.

В последней трети XIX в. наряду с научной разработкой отдельных проблем истории крестовых походов предпринимались и попытки осветить их историю в целом или по крайней мере ее главнейшие эпизоды. Это было сделано в ряде популяризаторских работ, рассчитанных на более или менее подготовленных читателей. Такая популяризация осуществлялась отчасти с помощью переводов трудов зарубежных историков, отчасти же посредством опубликования оригинальных работ. Выбор трудов иностранных авторов, печатавшихся в 80—90-х годах в русском переводе, нельзя признать удачным, но он во всяком случае показателен в одном отношении: переводились сочинения, которые по своему характеру могли в какой-то степени служить делу религиозно-политической и монархической пропаганды официальных кругов⁹¹.

Что касается популяризаторских работ 90-х годов, принадлежавших отечественным авторам, то они в общем мало отражали влияние официальной идеологии. По своему научному уровню эти работы более или менее соответствовали тому, который был достигнут к концу XIX в. западноевропейскими и отечественными исследователями крестоносных сюжетов.

В 1897 г. в «Книге для чтения по истории средних веков» под редакцией П. Г. Виноградова были опубликованы два очерка Н. Шамонина, посвященные предыстории и истории похода 1096—1099 г. В очерке «Подготовка Первого крестового похода»⁹² разбирались общие предпосылки и ближайшие причины крестоносного движения, в очерке «Вожди Первого крестового похода»⁹³ на фоне событий крестоносного предприятия конца XI в. характеризовались виднейшие предводители бедняцкого и рыцарских ополчений — Петр Пустынник, Готфрид Бульонский, Боэмунд Тарентский, Раймунд Тулузский и некоторые другие. В изложении фактического материала и особенно в своей концепции автор обоих очерков следовал преимущественно монографии немецкого историка Первого крестового похода — Г. Зибеля. Кроме того, в первом очерке, в той части, где описывались взаимоотношения Запада, Востока и Византии перед началом крестоносного движения, заметно чувствовалось также влияние некоторых выводов Васильевского («Византия и печенеги»). В основе данного Шамониным изображения предпосылок крестовых походов лежали зибелевские идеалистические построения. Решающую силу, вызвавшую крестоносное движение, автор видел в религиозном мистицизме, охватившем якобы большинство европейского населения в XI в., в религиозных настроениях, царивших тогда на Западе и выражавшихся во всеобщем

⁹¹ В 1884 г. была вновь опубликована «История крестовых походов» Мишо. На этот раз его труд, доведенный экономным переводчиком до объема одного тома средних размеров, был издан с иллюстрациями — знаменитыми гравюрами Гюстава Дорэ, представлявшими собой откровенную религиозно-мистическую идеализацию крестовых походов. В 1895 г. появился русский перевод книги Б. Куглера «История крестовых походов» — едва ли не самого слабого из его сочинений. В полной мере тенденциозность при подборе работ зарубежных историков, предназначавшихся к переводу на русский язык, сказалась в опубликовании проникнутых монархическими идеями книг Г. Додю и Д. Гаста («История монархических учреждений в Латино-Иерусалимском королевстве», 1897).

⁹² См. «Книга для чтения по истории средних веков», под ред. П. Г. Виноградова, вып. 2. М., 1897, стр. 440—456.

⁹³ Там же, стр. 457—479.

ожидании близкого конца мира, в развитии аскетизма, отшельничества, культа мощей, в паломничествах и т. п. явлениях⁹⁴.

Впрочем, в картине состояния Запада накануне крестовых походов, нарисованной Шамониным, имелись и некоторые реалистические элементы. Автор обнаруживал понимание определенной связи, существовавшей между накалом религиозных настроений и условиями социальной жизни на феодальном Западе. Самое обострение религиозности он до некоторой степени относил на счет голодовок, эпидемий и прочих «невзгод», которые, по его словам, «должны были укреплять верования в близкий конец мира»⁹⁵. В его очерке встречаются и другие любопытные проблески понимания исторической обстановки XI в., но это все же лишь отдельные проблески, общее же представление о ней остается идеалистическим в своей основе. Социальная подоплека таких явлений, как рост отшельничества, монастырей, развитие кляузийского движения, распространение веры в чудеса, паломничества⁹⁶, не раскрывается в очерке, да она и недоступна пониманию автора. Все эти процессы объясняются им из самих себя, представляются ему порождением мистицизма как такового, который в XI в. «не ограничивался одними монастырями, а разливался широко по всему Западу»⁹⁷. Наиболее слабым местом идеалистической в целом концепции очерка является метафизический подход автора к трактовке идеологических явлений вообще. Признавая частично роль социальных факторов (войны, голодовки и пр.) в укреплении религиозных настроений, главное место при объяснении последних он отводит специфике мышления некоего абстрактного средневекового человека, взятого в отрыве от социальной среды, вне зависимости от его положения на социальной лестнице. Общая характеристика западноевропейского общества в XI в. представляется поэтому в целом далекой от реальной действительности.

Шамонин рассматривает в своей статье не только внутренние, но и внешние причины крестовых походов, положение Востока в XI в., взаимоотношения Византии с Западом перед началом крестовых походов⁹⁸. Эти вопросы автор не без основания отодвинул на второй план, но в самих объяснениях его немало ошибок, свойственных, впрочем, всем, даже лучшим тогдашним работам по крестовым походам. Шамонин воспроизводит общепринятые историками XIX в. представления о притеснениях сельджуками «туземных (т. е. сирийско-палестинских.— М. З.) христиан и западных паломников»⁹⁹, отмечая, что рассказы последних об «угрозах и преследованиях» со стороны мусульман якобы производили огромное впечатление на «благочестивых соотечественников» в Европе. Не отличается глубиной и описание тяжелого внутри- и внешнеполитического положения Византии в последней трети XI в. Важнейшие причины потери Византией былого «блеска» автор усматривает в субъективных факторах — в ошибках европейской и азиатской политики императоров XI в.¹⁰⁰ Отсюда — внешнеполитические затруднения империи в 80-х годах, обращение Алексея Комнина с «отчаянным письмом» к Роберту Фризу, которое, однако, произвело свое действие уже после того, как Алексею с помощью половцев «удалось сломить навсегда силу печенегов»¹⁰¹.

Однако хотя Шамонин, описывая положение восточных дел, переносил в свой очерк некоторые ошибочные взгляды (о том, что будто бы в XI в.

⁹⁴ См. Н. Ш а м о н и н. Подготовка Первого крестового похода, стр. 442—447.

⁹⁵ Там же, стр. 441—442.

⁹⁶ Там же, стр. 445—446.

⁹⁷ Там же, стр. 445.

⁹⁸ Там же, стр. 448 слл.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, стр. 449.

¹⁰¹ Там же, стр. 451.

восточные христиане угнетались сельджукскими завоевателями), распространенные в работах историков XIX в., тем не менее он сумел полностью избежать какой бы то ни было ложной чувствительности и излишнего сгущения красок — приемов, которые в других популяризаторских работах отечественных авторов, как мы уже видели, явно были рассчитаны на разжигание в читателе вражды к «последователям пророка». Напротив, в построении Шамолина не было заметно никаких следов проповеди нетерпимости к мусульманскому миру.

В очерке рассматривается и вопрос о роли папства в подготовке и организации Первого крестового похода. Идеалистическая основа общеисторических взглядов автора не позволила ему понять и выявить социальную базу политической деятельности руководителей католической церкви, направленной на установление их «власти над миром»¹⁰². Это стремление Шамолин, как и Зибель, выводит из того же главного источника, что и крестоносное движение в целом, — из безраздельного господства на Западе религиозно-аскетических настроений. Данная часть его очерка, впрочем, тоже содержит некоторые интересные, хотя и далеко не всегда свободные от ошибок, конкретные наблюдения, касающиеся крестоносной политики папства. Шамолин правильно по существу констатирует решительное преобладание в практической политике Григория VII по подготовке крестового похода реальных, земных целей. В его призыве к походу нет ничего мистического, «св. гроб упоминается в нем только раз и то мимоходом; его исключительная цель — отнятие М. Азии у сельджуков, затем извращение от них Греции и подчинение ее римскому престолу»¹⁰³. Тут же, однако, автор объясняет неудачу «колоссальных» планов Григория VII тем, что их творец якобы занимал непримиримую позицию по отношению... к «господствовавшему строю»¹⁰⁴, что, конечно, абсолютно неверно отражает действительный характер универсалистской политики этого папы. Между тем, отталкиваясь как раз от подобного представления, Шамолин более чем односторонне объясняет затем успех Урбана II, организовывавшего крестовый поход. Автор, правда, с полным основанием характеризует Урбана II просто как «более ловкого преемника» Григория VII. Но ловкость его, по мысли Шамолина, выразилась лишь в том, что якобы «наперекор взглядам Григория церковь признала теперь существующие формы государства» (как будто универсализм Григория VII отрицал их!). Урбан II, по Шамолину, в отличие от Григория VII, пошел на союз со светской властью и затем воспользовался мыслью Григория VII о походе на Грецию, дабы «испробовать» силу, имевшуюся отныне в его распоряжении, «на великом предприятии». Главное же отличие крестоносной политики Урбана II от аналогичных попыток его второго предшественника автор вслед за Зибелем видел в том, что Урбан II будто бы «подошел к аскетизму ближе Григория»¹⁰⁵, что он лучше последнего приспособился к «восторженной вере» европейцев, этих мечтателей-мистиков, «призвав Запад к освобождению св. гроба». Шамолин не дал себе труда изучить по источникам подлинное содержание крестоносного клича Урбана II: в нем достаточно явственно звучали и «низменные», «практические» мотивы, а гроб господень и его освобождение фигурировали отнюдь не в качестве единственной цели предприятия, затеявшегося Римом.

Таким образом, автор рассматриваемого очерка, будучи историком-идеалистом, не смог понять объективные социально-экономические причины крестоносного движения, его социальные основы; не смог он и уловить

¹⁰² См. Н. Шамолин. Подготовка Первого крестового похода, стр. 451.

¹⁰³ Там же, стр. 452.

¹⁰⁴ Там же, стр. 453.

¹⁰⁵ Там же.

их соотношения с субъективными факторами — западной и восточной политикой папства, вопрос о социальной обусловленности которой вовсе не был поставлен в очерке. В конечном счете крестовые походы представлялись автору результатом совокупного действия многообразных причин¹⁰⁶, и прежде всего влияния религиозного возбуждения Запада, в результате чего в основном и «создалась та среда, из которой собственно развилось крестоносное движение, нам представляющееся невероятным»¹⁰⁷. Крестовые походы истолковывались даже историком как своеобразный исход «борьбы между духом и материей», якобы составлявшей главное содержание истории Запада в XI в.¹⁰⁸

Думается, однако, что на основании сказанного нельзя все же полностью отрицать всякое научное значение характеристики предпосылок крестовых походов в очерке Шамонина. Во-первых, историограф не вправе пройти мимо отмеченных выше реалистических элементов концепции, сохранившейся в этом очерке. Во-вторых, необходимо учитывать, что в отечественной литературе это была фактически первая попытка дать связанное и цельное, основанное на последнем слове тогдашней медиевистики описание тех обстоятельств, которые подготовили крестоносное движение. В-третьих, Шамонин — и в этом положительная черта его взглядов — перенес в отечественную историографию крестовых походов принципиально новый, зибелевский подход к изучению их предпосылок. До этого времени русские историки (исключая, пожалуй, Грановского, который, впрочем, высказал лишь отдельные, хотя и ценные, соображения по этому вопросу). пытавшиеся раскрыть причины крестоносного движения, искали их преимущественно, если не единственно, в факторах внешнего порядка, т. е. в сфере взаимоотношений христианского Запада с мусульманским Востоком. Как и западноевропейские ученые, они обычно начинали изложение причин походов с описания положения святых мест в Палестине, арабских, а затем сельджукских завоеваний, распространялись об осквернении иерусалимских и прочих святынь неверными, обидах, наносимых христианским паломникам на Востоке. От этих описаний историки далее переходили к возмущению, которое якобы было вызвано на Западе вестями о надругательствах, чинимых иноверцами святой земле, и в качестве прямого результата всего этого выводили крестовые походы.

Конец этой ложной традиции в западной историографии положил Зибель. Шамонин, рисуя предпосылки крестовых походов на основе зибелевских установок, также перенес центр тяжести с поверхностного изображения внешних причин этих «священных войн», являвшихся в действительности скорее их поводами или предлогами, на анализ глубоких внутренних истоков крестоносного движения. Историка интересовали не столько отношения христианского Востока и католического Запада, сколько те внутренние процессы в жизни западноевропейского общества, которые сделали его подготовленным к активному восприятию лозунгов крестового похода, выдвинутых в то время, когда сложилась благоприятная для этого внешнеполитическая ситуация. В этом перенесении центра тяжести в совершенно иную плоскость, т. е. в попытках дать освещение в первую очередь внутриевропейских предпосылок крестовых походов, состояла несомненная заслуга автора разбираемого очерка. Другое дело, что он был не в состоянии справиться с этой задачей и, следуя зибелевским установкам, нарисовал идеалистическую по своей сути схему происхождения крестовых походов.

¹⁰⁶ Там же, стр. 455.

¹⁰⁷ Там же, стр. 451.

¹⁰⁸ Н. Ш а м о н и н. Вожди Первого крестового похода, стр. 457.

К разобранному тесно примыкает и второй очерк того же автора «Вожди Первого крестового похода»¹⁰⁹. По своему содержанию он шире заготовка: в очерке прослеживаются основные события Первого крестового похода, на фоне которых характеризуются его предводители. Место этого очерка в развитии отечественной историографии крестовых походов определялось прежде всего тем, что автор руководствовался выводами Г. Зибеля относительно несостоятельности традиционных представлений о таких прославленных легендой вождях первой крестоносной экспедиции, как Петр Пустынник и Готфрид Бульонский. В своем очерке Шамоинин, собственно, в значительной мере и ограничивался изложением основных положений немецкого историка. Последний, как известно, подвергнув пристальному анализу хроники Первого крестового похода и выяснив их соотношение друг с другом, внес много нового в трактовку вопроса о ближайших событиях, предшествовавших крестовому походу 1096—1099 гг. и непосредственно подготовивших его, а также об участии различных западных князей в походе, сравнительном значении их предводительства и т. п. Зибель доказал легендарный характер традиционной, восходившей к Альберту Аахенскому схемы событий, отводившей центральную роль при подготовке похода Петру Амьенскому и изображавшей главным героем этого предприятия герцога Готфрида Бульонского. Следуя убедительным зибелевским доводам и частично воспроизводя его аргументацию, Шамоинин в своем очерке также показывает, что представления о Петре Пустыннике как первом и главном инициаторе крестового похода конца XI в. не соответствуют действительности. Легенда, сложившаяся в народе, превратила Петра Пустынника в основного возбудителя крестоносного предприятия; Урбан II в ней «занимает всего третье место, да и тут его роль неважная»¹¹⁰. На самом же деле положение вещей было иным, т. е. подлинная инициатива в возбуждении похода принадлежала папе, а Петр Амьенский являлся лишь одним из многих проповедников, действовавших в народе и предводительствовавших бедняцким ополчением 1096 г.

Эти сами по себе ценные и верные конкретные наблюдения получили, однако, в очерке Шамоинина весьма искусственную и неправильную интерпретацию. Происхождение легенды о Петре Пустыннике объяснялось тем, что-де массам, целиком охваченным религиозно-аскетическим воодушевлением, крестовый поход представлялся делом божьим, и поэтому они склонны были видеть не в папе, к которому были равнодушны, а именно в «слабом отшельнике» исполнителя и выразителя божьей воли¹¹¹. Таким образом, легенда в глазах историка служила лишь показателем силы религиозных чувств народной массы¹¹², обусловивших возникновение крестоносного движения. Идеалистический подход к толкованию истории и в данном случае оказал плохую услугу историку. Интересно отметить при этом, что Шамоинину отнюдь не было совершенно чуждо понимание социальных мотивов участия крестьянской голытьбы в крестоносном предприятии конца XI в. Описывая движение бедноты в 1096 г., он прямо указывает, что у бедноты с крестовым походом связывалась «надежда на освобождение из тяжелого положения»¹¹³ и что толпы народа, двинувшиеся в дальний путь весной 1096 г., «вовсе не думали подчиняться опустылевшим мирским властям»¹¹⁴. Тем не менее, находясь в плену идеалисти-

¹⁰⁹ Н. Шамоинин. Вожди Первого крестового похода, стр. 457—479.

¹¹⁰ Там же, стр. 459.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, стр. 460.

¹¹³ Там же, стр. 458.

¹¹⁴ Там же, стр. 459.

ческих представлений, Шамонин, естественно, не смог подняться и до понимания действительных корней легенды о Петре Амьенском, появление и распространение которой в сущности являлось лишь религиозно оформленным выражением и показателем непримиримости классовых интересов бедняцкой массы, вставшей к свободе в далеких странах и уповавшей на «божье предводительство» в походе, и сеньоров, преследовавших совершенно другие, корыстные цели и рассчитывавших на поддержку папского престола.

Ошибочная идеалистическая концепция пронизывает весь очерк Шамонина. Плохо организованному рыцарскому войску приписывается внутреннее единение: участников похода, по мнению автора, сплачивала исключительно общность религиозных целей¹¹⁵. Конфликты внутри крестового ополчения (под Антиохией и Маарой в 1098 г.), являвшиеся плодом обострения социальных противоречий среди крестоносцев, рассматриваются только в плане борьбы силы аскетизма, «которая создала все движение»¹¹⁶, с мирскими стремлениями князей. Оставление Антиохии в начале 1099 г. и поход на Иерусалим, в глазах автора, — «решительная победа аскетического настроения, вызвавшего самый поход»¹¹⁷ и т. д.

Та же нота преобладает и при раскрытии основной темы очерка — при характеристике вождей крестового похода. Раймунд Тулузский трактуется как «представитель церковного направления», Бозмунд — как «политик норманнской школы»¹¹⁸. Что касается Готфрида Бульонского, то Шамонин освещает эту личность непоследовательно. С одной стороны, он полагает легендарными описания деяний герцога Бульонского в ряде хроник Первого крестового похода и вслед за Зибелем низводит этого героя с благочестиво-героического пьедестала, на который он был возведен церковной историографией на Западе: «Мы не найдем, — пишет о нем Шамонин, — ни одной черты, которая давала бы нам право назвать его гениальной или даже просто крупной личностью»¹¹⁹. С другой стороны, над автором довлеет его «аскетическая концепция», и он не идет до конца в развенчании легенды: несмотря ни на что, герцог Бульонский выступает в очерке вождем, который «при всех столкновениях со светскими интересами старался сохранить религиозный характер похода: перед его глазами стоял только святой гроб, и он совершенно был чужд всякой мысли о власти и захвате земель»¹²⁰. Таким образом, облик этого хищного, хотя и отмеченного гордо меньше печатью индивидуальности, чем другие князья, предводителя похода предстает в очерке в искаженном, идеализированном виде.

Являясь популяризаторской работой, очерк Шамонина, невзирая на его отмеченные выше коренные недостатки и частные промахи, имел определенную познавательную ценность для русского читателя. В очерке были налицо реалистические суждения и воссоздавались картины событий, местами даже противоречивые идеалистическим общим построениям историка¹²¹. Кроме того (и это главное), Шамонин вводил в научный оборот отечественной историографии ряд новых, и, как уже сказано, смелых для своего времени воззрений по конкретным вопросам предыстории и истории Первого крестового похода, выработанных в зарубежной медиевистике (Зибель). По сути дела очерк «Вожди Первого крестового похода» был

¹¹⁵ Там же, стр. 464.

¹¹⁶ Там же, стр. 471.

¹¹⁷ Там же, стр. 472.

¹¹⁸ Там же, стр. 462.

¹¹⁹ Там же, стр. 477.

¹²⁰ Там же, стр. 478.

¹²¹ Таково, между прочим, описание рыцарского войска, никак не соответствующее представлению об аскетическом духе в качестве главной побудительной силы, толкнувшей в поход и феодалов (там же, стр. 461).

первой в русской медиевистике попыткой обрисовать ход важнейших событий, характеризовавших начальную стадию крестовосного движения, с учетом достижений исторической критики источников.

Естественным тематическим продолжением очерков Шамонина являлась помещенная вслед за ними в той же «Книге для чтения по истории средних веков» большая (около четырех печатных листов) статья Е. Щепкина (1858—1924)¹²². Базировавшаяся, как и очерки Шамонина, преимущественно на произведениях западноевропейской историографии крестовых походов и — в меньшей мере — на источниках, эта статья была и поныне остается почти единственным специальным сочинением отечественного ученого, посвященным характеристике внутреннего строя и жизни государств, основанных крестоносцами в Сирии и Палестине в конце XI в.

Она стоит особняком в русской литературе о крестовых походах и в другом отношении. Как правило, в сочинениях по истории крестовых походов описывалось в основном политическое устройство Латино-Иерусалимского королевства и прослеживалась с большими или меньшими подробностями его чисто внешняя, военно-политическая и, особенно, династическая история. В работе Щепкина характеристика государств крестоносцев дана под совершенно иным углом зрения: автор выдвинул на первый план анализ развития экономики, положения различных групп населения Сирии и Палестины во времена господства там крестоносных завоевателей, наконец, изменений, которые произошли тогда в культурной жизни этих стран. Эти проблемы освещаются в первом, наиболее содержательном и оригинальном разделе работы («Страна, население, земледелие, торговля, колонии, образованность»). Правда, в статье уделено значительное место и вопросам политического устройства Иерусалимского королевства (раздел второй: «Учреждения и право. Иерусалимские ассизы»), однако, во-первых, они занимают все же подчиненное положение, а во-вторых, эти вопросы также раскрываются автором с несравненно большей глубиной, чем во многих других работах как отечественных, так и зарубежных историков. Специальный (третий) раздел статьи Щепкин посвятил духовно-рыцарским орденам («Духовно-рыцарские ордена. Прощес тамплиеров»), обстоятельная характеристика которых хорошо дополняет нарисованную ранее картину социально-политического устройства Иерусалимского королевства.

В целом работа Щепкина содержит довольно полный и во многом с весьма реалистических позиций проанализированный материал, характеризующий экономику и социально-политические порядки, которые утвердились в Сирии и Палестине после их завоевания крестоносцами. На фактической стороне работы положительно сказалось обращение автора к лучшим для конца XIX в. исследованиям западноевропейских историков по истории латинского владычества на Ближнем Востоке в XII—XIII вв., прежде всего к трудам Г. Прутца («Kulturgeschichte der Kreuzzüge» и «Entwicklung und Untergang des Tempelherrenordens»), а также Р. Рэрихта (автор использовал его монографию «Geschichte des Königreichs Jerusalem»). С большой тщательностью Щепкин описывает хозяйственную жизнь Сирии и Палестины в XII—XIII вв. — возделывание плантаций сахарного тростника, развитие садоводства, сахароварения, виноделия, шелкоткачества и других ремесел¹²³; особенно скрупулезно характеризуется им левантийская торговля, товары Европы и Азии, обмен которыми совершался на берегах Сирии и Палестины¹²⁴, пути этой тор-

¹²² Е. Щ е п к и н. Иерусалимское королевство. «Книга для чтения по истории средних веков», под ред. П. Г. Виноградова, вып. 2, стр. 482—544.

¹²³ Там же, стр. 485 сл.

¹²⁴ Там же, стр. 490 сл.

товли, развитие монетного обращения и банковского дела, как одно из ее важнейших последствий, экономическое положение и привилегии итальянских колоний на Востоке¹²⁵. В статье явно чувствуется пристальный интерес историка-позитивиста, каковым Щепкин являлся во время написания рассматриваемой работы, к «экономическому фактору» в истории крестоносных государств. При этом, описывая экономическое развитие Латино-Иерусалимского королевства, русский историк сделал наблюдения, показывающие, что он трезво, без всякой предвзятости и без всякого преувеличения, в которые нередко впадали и впадают иные западноевропейские исследователи крестовых походов, оценивал действительные последствия вторжения франков в области Восточного Средиземноморья для его экономической жизни. Франки не внесли в страну более совершенных приемов хозяйства, справедливо отмечалось в статье: «вся масса французского рыцарства не шла далее чисто хищнического отношения к угодыям»¹²⁶. Отдельные же отрасли сельского хозяйства переживали при крестоносном владычестве очевидный упадок, как, например, «насаждение плантаций хлопчатника» и «культура бальзамного дерева...»¹²⁷. Несомненно, благодаря этой реалистической картине экономической жизни Иерусалимского королевства полуторастолетнее хозяйничанье западных феодалов в Сирии и Палестине представало перед читателем в новом свете, гораздо более близком к действительности, чем в ряде общих сочинений тогдашних зарубежных историков.

В еще большей степени сказанное относится к характеристике в щепкинской статье социальных порядков крестоносных государств. Эти страницы статьи, пожалуй, являются в ней наиболее интересными. Особенно примечательны те места, где отчасти на основе данных Иерусалимских асиз, отчасти на картулярном материале характеризуется положение народных масс в государствах крестоносцев¹²⁸. Обычно буржуазные историки останавливались более или менее основательно только на взаимоотношениях внутри господствующего класса Иерусалимского королевства. Отказываясь от этой традиции, Щепкин отводит первостепенное место выяснению судеб массы туземного и пришлого сельского и городского населения в Сирии и Палестине XII—XIII вв. В статье весьма выразительно описывается прежде всего угнетенное положение местных земледельцев, закрепощенных феодалами-завоевателями, повинности сирийско-палестинских крестьян и т. п. При этом автор высказывает ряд довольно метких замечаний. Так, он совершенно справедливо полагает, что крепостная зависимость сирийцев и прочих местных деревенских жителей с приходом новых господ стала «более тягостной» по сравнению с предшествующим временем¹²⁹; одну из причин этого историк усматривал в отсутствии «освященного временем» обычая¹³⁰.

Не будучи еще тогда марксистом, Щепкин не пытался проследить реакцию крепостных земледельцев на насилия и утеснения франкских феодалов; только в одном месте он упоминает о «восстании сельского населения» на Кипре против тамплиеров, которые «вздумали было обращаться с ним, как со своими колонами в Сирии, т. е. подвергать их побоям и облагать податями»¹³¹. Однако и это единичное упоминание само по себе симптоматично: в нем отчетливо проявились демократические симпатии историка.

¹²⁵ Там же, стр. 493 сл.

¹²⁶ Там же, стр. 487.

¹²⁷ Там же, стр. 486.

¹²⁸ Там же, стр. 487 сл.

¹²⁹ Там же, стр. 488.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

Они сказались также и в его большом внимании к вопросам жизни городского населения Сирии и Палестины в XII—XIII вв. Щепкин, в частности, подчеркивает резкую социальную рознь, существовавшую в городах крестоносных государств, бросавшиеся в глаза различия в образе жизни горожан-франков, «богатых негодичантов», «сосредоточивших в своих руках крупную промышленность и заморскую торговлю», и «мелких торговцев и ремесленников из среды туземцев», которые занимали приниженное положение. Хотя завоеватели и не перебили целиком прежнее население, но во всяком случае оно было «вытеснено на окраины». Его терпели лишь постольку, поскольку сами выходцы с Запада «нуждались... в переводчиках, писцах, менялах, маклерах, стряпчих, хорошо знавших местные условия и обычаи»¹³².

Безусловно, самой сильной стороной характеристики социальных порядков Латино-Иерусалимского королевства был четко отмеченный историком факт глубокой социальной дифференциации на Латинском Востоке, усилившейся в особенности национальными и религиозными различиями завоевателей и завоеванных. Историк не пошел дальше констатации этого факта; как уже было сказано, в его работе не было предпринято попытки сколько-нибудь углубленного изучения социальной борьбы в государствах крестоносцев.

Это обстоятельство отрицательно отразилось и на последующих разделах работы. Подробнейшим образом анализируя политические институты Латино-Иерусалимского королевства во втором разделе своей статьи, Щепкин почти совершенно упустил из виду ту социальную основу, которая породила ряд особенностей феодального политического устройства в государствах крестоносцев, рассматриваемых в статье. Так, останавливаясь на знаменитой ассизе короля Амори I от 1162 г.¹³³, он не сумел объяснить появление централизаторских тенденций в Иерусалимском королевстве во второй половине XII в. Единственное даваемое им объяснение — ссылка на интересы обороны королевства, делавшие нежелательной зависимость короля от своего феодального двора, — явно недостаточно. А самое главное, все рассуждения историка относительно этой и других своеобразных черт политической структуры государств крестоносцев строились на ложном противопоставлении короля прочим феодалам: историк не понимал еще того, что не расхождение, а близость их классовых интересов вызывала к жизни явления, подобные ассизе 1162 г., что и король, и рыцари были в конечном счете представителями одной и той же социальной категории, противостоявшей арабско-сирийской крепостной массе.

Недооценкой остроты социальной борьбы можно объяснить и наличие в статье неубедительного объяснения причин падения Иерусалимского королевства¹³⁴.

Анализ политического строя Иерусалимского королевства представлял все же известный интерес. Он заключался не столько в характеристике тех или других политических учреждений, которая в общем выглядела в статье довольно трафаретно, сколько в том, что Щепкин подробно знакомил отечественного читателя с историей происхождения важнейшего законодательного памятника Иерусалимского королевства — «Иерусалимских ассиз»¹³⁵. Историк давал обстоятельный источниковедческий разбор легенды о пресловутых «Письмах гроба господня» и на основе критического анализа сведений, содержащихся в трактатах кипрских юристов XIII в. — Жана

¹³² Е. Щепкин. Иерусалимское королевство, стр. 489.

¹³³ Там же, стр. 511 сл.

¹³⁴ Там же, стр. 513.

¹³⁵ Там же, стр. 503—511.

д'Ибелина и Филиппа Новарского, а также литературных данных, почерпнутых в исследованиях Зибеля, Куглера, Прутца, Пари, Додю и других авторов, шаг за шагом восстанавливал длительный процесс создания «Иерусалимских ассиз» — этих позднейших записей обычного феодального права, действовавшего в государствах крестоносцев. Эта часть статьи выделяется ясно выраженной самостоятельностью суждений историка по вопросам источниковедческого характера.

Наиболее слабым, с нашей точки зрения, был последний раздел работы Щепкина — о духовно-рыцарских орденах. Правда, и в нем содержался богатый и во многом новый для русского читателя фактический материал о возникновении, деятельности и устройстве орденов. Однако, не говоря уже о встречающихся здесь ошибочных положениях¹³⁶, принципиальное освещение даже интересных фактических данных, собранных в статье, местами носило на себе отпечаток влияния историографической традиции, проникнутой идеалистическими и отчасти даже идеализированными представлениями об орденских братствах. Так, автор явно вразрез с фактическим материалом, приведшимся в статье и обличавшим корыстный, стяжательский характер деятельности иоаннитов и тамплиеров¹³⁷, считал, что «идея крестовых походов всего цельнее воплотилась и долее всего держалась в духовно-рыцарских орденах»¹³⁸, что орден иоаннитов якобы «всегда продолжал развивать свою полезную деятельность в обоих направлениях»¹³⁹ (автор имеет в виду уход за больными и войну с неверными. — М. З.), а «польза от трудов храмовников была для всех очевидна»¹⁴⁰. Еще менее удачен был выбор выражений при характеристике Тевтонского ордена, в оценках которого явственно сказалось влияние немецкой националистической историографии¹⁴¹.

Наконец, современного историка-марксиста не может удовлетворить и общая оценка последствий крестовых походов, данная Щепкиным. Она не выходила за рамки представлений, сложившихся главным образом в протестантской исторической литературе XIX в. Эти представления сводились к тому, что крестовые походы «подорвали те основные взгляды западного человечества, которые вызвали в конце XI в. самую борьбу с Востоком» (I? — М. З.)¹⁴², что, как пишет Щепкин, знакомство западноевропейцев с Востоком повело к преодолению на Западе «узости воззрений римской церкви», «к сознанию своей национальности», к выделению живой человеческой личности и пр.¹⁴³ Он усматривал даже «историческую заслугу сирийских колоний, основанных крестоносцами — купцами и рыцарями», в том, что они будто бы «вырабатывали новую закваску для европейских метрополий»¹⁴⁴. Эти ошибочные общие положения, впрочем, носили чисто умозрительный характер и не были подкреплены аргументированными доказательствами фактического порядка.

В «Книге для чтения» была помещена еще одна работа по интересующей нас тематике, а именно — статья «Четвертый крестовый поход и Ла-

¹³⁶ Утверждалось, например, что «отсутствие устава, утвержденного папями, дало тамплиерам возможность уклоняться от первоначально намеченных целей» и т. д. (там же, стр. 525).

¹³⁷ Там же, стр. 518 сл., 524, 529 и др.

¹³⁸ Там же, стр. 514.

¹³⁹ Там же; ср. стр. 519, где автор снова пишет об «общепользующей деятельности» иоаннитов.

¹⁴⁰ Там же, стр. 523.

¹⁴¹ Там же, стр. 515, 521.

¹⁴² Там же, стр. 521.

¹⁴³ Там же, стр. 498 сл.

¹⁴⁴ Там же, стр. 499.

тинская империя». Автором ее был молодой М. Н. Покровский¹⁴⁵, преподававший в то время на Высших женских курсах¹⁴⁶. Насколько нам известно, впоследствии М. Н. Покровский никогда больше не интересовался крестовными сюжетами, так что есть все основания думать, что написание данной статьи являлось лишь преходящим эпизодом научной деятельности этого впоследствии видного историка-марксиста, эпизодом, полностью выпадающим из общей направленности его трудов, созданных в более позднее время. Автор статьи о Четвертом крестовом походе находился под влиянием исследований западноевропейских буржуазных историков, многие построения которых он и перенес в свою работу. При этом, в отличие от Митрофанова, Покровский не владел и всей имевшейся в середине 90-х годов литературой вопроса¹⁴⁷. Вместе с тем Покровский, не в пример авторам ряда других работ по крестовым походам, напечатанных в «Книге для чтения», опирался не только на готовые исследования и монографии: он старался изучить ход событий и непосредственно по известным источникам. В его статье были использованы записки Жоффруа Виллардуэна, «История» Никиты Хониата, а также — в меньшей мере — сочинения Гергия Акрополита и Гюнтера Пэрисского.

Работа Покровского обладала и еще одним научным достоинством: автор ее проявлял большую осторожность в суждениях по вопросам, для категорического решения которых, как ему казалось, отсутствовали достаточно надежные основания в источниках или которые еще не были решены исследователями, специально занимавшимися проблемами похода 1202—1204 гг. Очень осторожен Покровский был, в частности, в суждениях относительно причин, повлиявших на изменение направления крестового похода. Историк явно не склонен был принимать ни теорию случайностей, ни теорию предумышленности: избегая какой бы то ни было предвзятости, он просто излагал ход событий так, как они ему представлялись на основании данных источников и выводов новейших исследований¹⁴⁸. Такая позиция Покровского легко объяснима: он еще не располагал (как не располагала и историческая наука того времени в целом) исчерпывающим материалом для окончательного решения этой сложной проблемы.

Очасти с этим связана, по-видимому, и определенная непоследовательность, или во всяком случае нечеткость, в представлениях Покровского по поводу причин, обусловивших уклонение крестоносцев с пути. Повествуя о предложениях дожа крестоносцам, внесенных во время их пребывания на острове Лидо в 1202 г. (проект захвата Зары), автор высказывался явно в том смысле, будто эти предложения были лишь результатом того, что венецианцы «не решались сразу заводить речь о Константинополе»¹⁴⁹ и поэтому-де вначале предложили поход в Далмацию. Иначе говоря, автор изображал здесь дело таким образом, что поход на Константинополь все же с самого начала намечался венецианским дожем и только из тактических соображений он не сразу открыл крестоносцам свои подлинные намерения. С нашей точки зрения, такая гипотеза согласуется

¹⁴⁵ М. Покровский. Четвертый крестовый поход и Латинская империя. Указ. изд., стр. 602—619.

¹⁴⁶ См. С. М. Дубровский. Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки. ВИ, 1962, № 3, стр. 4—5.

¹⁴⁷ Ему не были, по всей видимости, известны даже упомянутые выше работы В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. Во всяком случае Покровский нигде их не упоминает.

¹⁴⁸ «Трудно сказать, — писал Покровский, — был ли уже с самого начала решен поход против Алексея III или же Дандоло только воспользовался несколькими благоприятными случайностями» (М. Покровский. Указ. соч., стр. 603).

¹⁴⁹ Там же, стр. 605.

с данными источников¹⁵⁰, но это, тем не менее, не снимает упрека Покровскому в непоследовательности: ведь только что, как уже было показано, он характеризовал вопрос о политическом курсе Венеции в крестовом походе как нерешенный.

Гораздо слабее были позиции автора в вопросе о политике папства в связи с экспедицией рыцарства на Константинополь. В этом отношении Покровский не рискнул порвать с традицией, как это сделал уже Успенский: вслед за Риганом он ошибочно противопоставлял политику папства в Четвертом крестовом походе, с одной стороны, и, с другой, тех сил, которые стремились увести крестовый поход в сторону от его первоначальной цели, т. е. германской короны и Венеции. Исход предприятия — завоевание Константинополя — историк объяснял тем, что в конечном счете германская и венецианская политика будто бы перевесили «влияние третьего фактора — личной воли Иннокентия III»¹⁵¹, якобы противившегося такому обороту дела. Историк неверно расценивал позицию папства как враждебную антихристианским планам руководителей похода, направлявшихся из Венеции и Германии¹⁵². Автор следовал традиционным представлениям и в суждениях о рядовых участниках и вождах похода. Правда, Покровский вынес в общем суровый и справедливый приговор рыцарским бандам, разгромившим в 1204 г. Константинополь: «Европейские рыцари больше повредили на этот раз европейской цивилизации, чем впоследствии турки, ничего по крайней мере не разрушавшие»¹⁵³. Однако в то же время автор отдал дань распространенной в литературе идеализации крестоносцев¹⁵⁴.

Нельзя сказать, что статья Покровского не вносила ничего нового в историографию Четвертого крестового похода. Опираясь на данные источников, Покровский, в частности, приподнял завесу над теми фактами, к изучению которых полвека назад призывал историков Т. Н. Грановский, настаивавший на важности решения некоторых конкретных вопросов истории похода 1202—1204 гг., в том числе — о соотношении сил крестоносцев в Византии накануне ее завоевания. В своей статье Покровский специально затронул этот вопрос. Он пришел к выводу, что «крестоносцы не были в 200 раз слабее греков, как уверяет Виллардуэн. По некоторым данным его же можно заключить, что византийцы были в 7 и 8 раз сильнее французов (не считая венецианцев)»¹⁵⁵. Вывод этот, по крайней мере в его первой части, совершенно справедливо: Виллардуэн намеренно преувеличивал силы Византии с тем, чтобы резко подчеркнуть значение подвига крестоносцев. Однако в то же время Покровский, положившись на авторитеты, не попытался самостоятельно более основательно разобраться в том комплексе причин, который обусловил скорое падение Византии, обла-

¹⁵⁰ См. М. А. Заборов. Крестовые походы, стр. 199 сл.

¹⁵¹ М. Покровский. Указ. соч., стр. 604.

¹⁵² Там же, стр. 605 сл.

¹⁵³ Там же, стр. 613.

¹⁵⁴ Возражения части крестоносцев против похода на Константинополь Покровский объяснял исключительно их религиозными сомнениями: этих воинов, которые, кстати, составляли «большую половину армии», якобы «стала мучить совесть», а к тому же они не хотели и боялись вновь послушаться Иннокентия III, ибо это «могло повлечь на них отлучение от церкви» (там же, стр. 606—607). Это объяснение выглядит тем менее убедительно, что в другом месте сам автор отлично раскрывает неприглядный облик не только самих рыцарей, но и их духовных пастырей — католических прелатов, которые весной 1204 г. звали крестоносцев сражаться с греками и обещали тем, «кто падет в этой войне, отпущение грехов, как если бы они пали в бою с неверными» (там же, стр. 612). В том же плане явно неудовлетворительна характеристика, данная в статье графу Балдуину Фландрскому, первому государю Латинской империи (там же, стр. 614). Интересно, что в другом месте, упоминая об этом сеньоре, автор отмечает, что Балдуин, как и прочие завоеватели, относился к грекам «с глумливым презрением» (там же, стр. 615).

¹⁵⁵ Там же, стр. 609, прим. 1.

давшей, казалось, с его же точки зрения, более сильным войском, чем 20-тысячный отряд завоевателей. Покровский ограничился общепринятыми объяснениями этого вопроса, т. е. ссылаясь на наемный характер византийской армии, на личные недостатки Алексея III, на проводившуюся им тактику пассивной обороны и тому подобные в конечном счете второстепенные обстоятельства¹⁵⁶.

Едва ли не наиболее поверхностными в работе Покровского были страницы, посвященные событиям византийской истории в эпоху Четвертого крестового похода и Латинской империи. Из статьи читатель узнавал, например, что в момент открытого конфликта Византии с крестоносцами «за Мурзуфла была масса простого народа, очень его любившего» (!? — М. З.)¹⁵⁷ и т. д. Несостоятельными представляются суждения автора о социально-политических последствиях латинского завоевания византийских областей. По мнению Покровского, франкам «не удалось основать феодальную империю», хотя «из западных учреждений феодализм все-таки лучше всего принял на византийской почве»¹⁵⁸. Здесь в понятие феодализм молодой Покровский явно вкладывал ошибочное содержание, рассматривая его прежде всего как систему определенных взаимоотношений между феодалами (вассалитет, политическая раздробленность и пр.)¹⁵⁹. Но дело в данном случае не только и даже не столько в этом, сколько в самом подходе автора к «феодализму» как к чему-то привнесенному на византийскую почву извне, с Запада. Впрочем, и в трактовке этого вопроса Покровский не был последователен: он показывал далее, что крестоносцы, якобы принесшие в Византию феодальные порядки, сами «нашли в Византии готовый материал», т. е. «отношения, по внешности чрезвычайно похожие на феодальные», и что латинское владычество в сущности только «упрочило эти уже ранее существовавшие зачатки местной самостоятельности»¹⁶⁰.

Покровский явно недооценивал также значения сопротивления греков латинскому владычеству. Он, правда, не обошел молчанием антилатинских настроений византийцев, но рассматривал их только с точки зрения усиления позиций византийского православия и в этом смысле, несомненно, преувеличивал роль религиозного фактора в настроениях греков и в византийской политике эпохи Латинской империи¹⁶¹. Отчасти поэтому, думается нам, он не смог дать и убедительного объяснения недолговечности Латинской империи. Ее сравнительно скоро последовавшее крушение историк объяснял только одной, в сущности совсем не самой главной причиной — финансовыми затруднениями этого государства, тем, что «ей не на что было существовать»¹⁶².

Статья Покровского, довольно подробно знакомя русского читателя с важнейшими фактами истории Четвертого крестового похода преимущественно на основе разработки этой проблемы в зарубежной медиевистике, была лишена научной самостоятельности. Ее роль в развитии отечественной историографии крестовых походов заключалась главным образом в сведении воедино фактического материала, добытого другими исследователями. Она была написана на уровне тех представлений об истории Четвертого крестового похода, которых придерживалась историография последней четверти XIX в.

¹⁵⁶ М. Покровский. Указ. соч., стр. 609.

¹⁵⁷ Там же, стр. 612.

¹⁵⁸ Там же, стр. 618.

¹⁵⁹ Там же, стр. 618—619.

¹⁶⁰ Там же, стр. 619.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, стр. 618.

* * *

Как видно из сказанного, 70-е — 90-е годы ознаменовались серьезным расширением фронта научных исследований русскими учеными истории крестовых походов сравнительно с предшествующим периодом. Наиболее существенными отличительными чертами развития отечественной историографии в данной области в последней трети XIX в. были: а) значительное повышение интереса к изучению источников; б) критическое освоение и осмысление отечественными исследователями всего того, что было сделано до сих пор в разработке крестоносных сюжетов западноевропейскими историками; в) самостоятельный пересмотр в ряде случаев концепций последних, особенно в отношении различных вопросов истории Четвертого крестового похода; г) активная роль византистов в разработке крестоносных проблем; обогащение тематики исследовательских и популяризаторских работ путем включения в нее ранее не разрабатывавшихся или мало затрагивавшихся сюжетов (историография крестовых походов, Иерусалимское королевство и др.); д) усиление реалистической струи в освещении событий крестоносного движения при сохранении большинством историков общих идеалистических, методологически неудовлетворительных и политически тенденциозных установок в трактовке крестовых походов.

Исследовательские работы отечественных ученых, созданные в рассматриваемые десятилетия, обогатили историографию крестовых походов и явились шагом вперед в ее развитии, проложив дорогу к дальнейшему изучению многих разделов крестоносной проблематики как в частности, так и в целом.

Усилиями отечественных историков в это время был создан также цикл популяризаторских работ, по своему научному уровню не уступающих лучшим исследованиям, созданным тогда зарубежными медиевистами. По своему идейному содержанию некоторые из трудов этого цикла, нося отчетливо выраженный просветительный характер, противостояли попыткам реакционных кругов утвердить в широкой читательской аудитории архаичные представления о крестовых походах, с тем чтобы поставить их на службу пропагандистско-идеологическим задачам царизма.